

АРХИВ МЁРТВЫХ СТАНЦИЙ

ФЁДОР АНИСИМОВ

Фёдор Анисимов

Архив мёртвых станций

<https://litres.ru/74690092>

SelfPub; 2026

Аннотация

Археолог заброшенных станций Матвей Рад привык восстанавливать чужие жизни по царапинам на поручнях и налёту на фильтрах. Но на мёртвой «Тихой-6» он находит свежий след, тайные капсулы и запись, сделанную его собственным голосом.

Компания «Остов» годами создавала копии специалистов для смертельно опасных работ, а после задания гасила их как отработанное оборудование. Чтобы вынести доказательства со станции, Матвей пробуждает копию самого себя. Теперь два человека помнят одну жизнь, но имеют разные тела, решения и лишь одно место на обратном рейсе.

«Архив мёртвых станций» — социальная научная фантастика о праве на имя, цене согласия и мире, где даже воздух приходится сначала признать чьим-то.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Голос в пустом отсеке	6
Глава 2. Воздух за смену	16
Глава 3. Чёрная капсула	30
Глава 4. Бывший напарник	42
Глава 5. Следы двух людей	63
Глава 6. Право на продолжение	85
Глава 7. Город под куполом	105
Глава 8. Археология живых	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Фёдор Анисимов

Архив мёртвых станций

От автора

Мы легко говорим о копиях, пока копируют документы, инструменты или старые фотографии. С человеком это слово перестаёт быть удобным. Если двое помнят одно детство, одну ошибку и один разговор перед сном, никто из них не становится вещью только потому, что проснулся позже.

Этот роман не пытается решить, можно ли перенести душу. Его герои не умеют измерять душу и не получают ответа от машины. Они умеют считать воздух, тягу, время до разгерметизации и число кресел на обратном рейсе. Именно среди этих простых, жёстких величин им приходится отвечать на более трудный вопрос: даёт ли общая память одному человеку право распорядиться жизнью другого.

Заброшенные станции здесь хранят не великие тайны исчезнувшей цивилизации, а следы обычной работы: потёртые поручни, неправильно поставленные чашки, запасные фильтры, чьи-то незаконченные смены. Археолог Матвей Рад привык возвращать имена тем, кого уже нет. На последнем рейсе он обнаружит, что архив умеет сохранять людей слишком буквально — и что среди его записей есть он сам.

Это история о праве вернуться. И о цене порядка, в котором для возвращения одного человека другой обязан исчезнуть.

Глава 1. Голос в пустом отсеке

Пустая станция никогда не встречает тишиной. Она потрескивает обшивкой, гонит по трубам последний холод и время от времени ударяет чем-нибудь незакреплённым о стену. Живой человек слышит в этих звуках неисправности. Археолог — чужие решения.

Я задержался у внешнего люка «Тихой-6» и положил ладонь на выцветшую рамку. Под перчаткой тянулась неглубокая борозда. Кто-то закрывал створку вручную, когда привод уже не работал. Рычаг дёргали вниз, отпускали, снова дёргали. На четвёртый раз металл поддался. Я видел это так ясно, будто стоял за спиной у последнего дежурного.

— Рад, давление в шлюзе ноль целых ноль две, — сказала Ная в наушнике. — Это не воздух. Не трать время на пробу.

— Я и не собирался им дышать.

— Ты так говоришь перед каждой плохой идеей.

Я закрепил на раме гибкий рукав буксира. Зелёная полоса на манжете не загорелась: уплотнитель станции задубел и пропускал. Пришлось обвести стык серой мастикой, дожидаться, пока нагреватель размягчит её, и только потом открыть подачу. Рукав надулся, как худой палец. На внутренней створке проступила белая изморозь.

Над люком ещё читалась надпись: «ТИХАЯ-6. ЖИЛОЕ КОЛЬЦО. 84 МЕСТА». Из восьмидесяти четырёх человек

отсюда вывезли семьдесят девять. Трёх нашли после аварии в ремонтном кармане. Двоих не нашли вовсе, но по расходу воздуха решили, что они ушли в спасательной капсуле. Капсула тоже исчезла.

Корпорация купила станцию вместе с долгами и поручила мне определить, что годится для повторного использования. В договоре моя работа называлась оценкой остаточной стоимости. Я называл её археологией, потому что остаточная стоимость не спрашивает, почему в кухонном шкафу лежит фильтр от скафандра, а на аварийном щите нарисована детская ладонь.

Я вошёл ногами вперёд. Магниты подошв поймали решётку. За внутренним стеклом было темно, но луч на шлеме выхватил жёлтые полосы на полу и связку мягких игрушек, привязанную к поручню. Игрушки делали из обрезков утеплителя. Длинное серое животное с тремя ушами смотрело на меня пуговицами.

— Внутри, — сказал я.

— Вижу твой маяк. До окна связи четыре часа двенадцать минут. До обязательного возврата двадцать девять часов.

— До обязательного старта.

— Нет. Возврата в буксир. Если в двадцать девять часов ты ещё будешь изображать уважение к мёртвым, я закрою рукав и поташу тебя лебёдкой.

Ная всегда уточняла слова, когда боялась. Я не стал отвечать.

Станцию оставили двенадцать лет назад. После повреждения радиатора её собирались законсервировать на три месяца, но город сократил дальние рейсы, затем сменился владелец, потом выросла цена тяги. Три месяца растянулись на годы. За это время «Тихая» успела сделать один оборот вокруг луны, потерять две панели и получить пробоину в нежилом кольце. Теперь её медленно тянуло к поясу мелких обломков. Через полгода разбирать было бы нечего.

Я закрепил у шлюза первую метку и снял перчаточную пробу пыли. Серый слой лежал ровно, кроме узкой полосы у стены. Там пыли не было.

— Ная, на схеме есть поток из жилого кольца к шлюзу?

— После отключения — нет. Все вентиляторы стоят.

— Утечка могла выдуть пыль.

— Могла. Покажи.

Я повернул камеру. Чистая полоса начиналась у внутренней двери и заканчивалась возле шкафа спасательного имущества. Она была шириной с ладонь. Поток воздуха оставил бы веер, а здесь края шли почти параллельно.

— Что тащили? — спросила Ная.

— Не знаю.

— В отчёт пока не ставь. «Остов» не любит неизвестность, когда платит за килограмм.

Я присел у шкафа. Пломба сохранилась, но её ставили повторно. Старый клей потемнел по краям, новый остался янтарным. Двенадцать лет — слишком большой срок для та-

кого цвета.

Внутри лежали четыре дыхательных мешка, ручной огнетушитель и шесть сложенных покрывал. Пятого мешка не было. На креплении осталась свежая царапина. Я провёл по ней датчиком: окисление почти нулевое.

— Кто-то был здесь после консервации, — сказал я.

Ная не ответила сразу. В наушнике прошёл короткий треск: буксир повернул антенну.

— Наш экипаж на станции не был. Подходов в реестре нет.

— Реестр не толкает рычаги.

— Матвей, не снимай шлем.

— Здесь нечем дышать.

— Поэтому и не снимай.

Я улыбнулся, хотя она этого не видела. Страх Ная прятала в очевидных приказах. Когда три года назад у нас заклинило клапан, она велела мне держаться руками. Когда сорвало груз, приказала не лететь за ним без троса. Теперь велела не дышать пустотой.

Из шлюза вели три двери. Я выбрал жилую галерею. По договору следовало начать с силового узла, но силовые узлы редко уходят пешком. Свежий след означал либо незарегистрированную бригаду, либо человека. Первое грозило спором о праве на имущество. Второе — остатком воздуха, которого у него не могло быть.

В галерее висели закрытые спальные ячейки. Имена сняли

перед эвакуацией, однако прямоугольники чистого пластика остались. На третьей двери ребёнок процарапал рост: девять коротких линий и даты. Последняя была поставлена за два дня до аварии.

Я знал, что Тесса назвала бы мою остановку расточительством. Не потому, что ей было всё равно. Она чинила воздух в Своде и уважала только то сочувствие, после которого кто-нибудь берёт ключ и устраняет утечку. На мой последний контракт она смотрела так же. «Вернись, — сказала она перед вылетом. — Отдельная комната не стоит отдельной могилы».

Отдельная комната стоила двухсот сорока рейтинговых единиц. После «Тихой» мне не хватало одиннадцати. Если я сдавал оценку вовремя, город подтверждал место в обратном рейсе и переводил меня из общей секции. Если задерживался, «Остов» снимал премию, а кресло уходило следующему специалисту. Возвращаться пришлось бы на грузовом окне через восемь месяцев.

Я прошёл кухню. На столе чашки удерживались липкими кругами. Одна стояла вверх дном, пять — открыто. Вода из них давно ушла в вакуум. В шкафу действительно лежал фильтр от скафандра. Его засунули между пакетами с крупой, чтобы дети не взяли угольные пластины для игры. Так делали на старых станциях, где кладовая находилась далеко.

На полу виднелся второй чистый след.

Он шёл к служебной двери, которой не было на моей схе-

ме.

Я очистил табличку. Под слоем пыли проявилось: «УЧЕБНЫЙ ОТСЕК». Замок не отвечал. У двери имелся ручной паз, но рукоять отсутствовала.

— На плане за стеной пустота, — сказала Ная, когда я показал ей изображение.

— Длина галереи двадцать один метр. Жилые ячейки занимают шестнадцать. Между переборками не пять метров утеплителя.

— Пристройка после регистрации?

— Или помещение сняли со схемы.

Я достал складной вороток. Головка вошла в паз с трудом. Кто-то недавно открывал дверь неподходящим инструментом и смял края. Магниты на подошвах напряглись, когда я навалился на рукоять. За переборкой что-то тихо звякнуло.

— Слышала? — спросил я.

— Слышу тебя. И слышу, как заканчиваются двадцать девять часов.

Замок повернулся. Дверь отошла на палец и остановилась. Из щели выплыл обрывок прозрачной ленты. Я потянул его. На ленте повторялось одно слово: «СПИСАНО».

За дверью находился короткий коридор и ещё один шлюз. Этот был новее станции. На панели горел слабый янтарный огонёк.

Я замер.

— Ная.

— Вижу. Питание?

— Меньше ватта. Дежурная батарея.

— Двенадцать лет?

— Если её меняли.

Я приложил датчик к панели. Батарея показывала шестьдесят один процент. На корпусе стояла дата изготовления: восемь месяцев назад.

Теперь неизвестность получила вес. Кто-то привёз батарею на мёртвую станцию, открыл аварийный шкаф, взял дыхательный мешок и прошёл за дверь, отсутствующую на схеме. Возможно, он находился здесь сейчас.

Я проверил крепление резака и включил внешний громкоговоритель.

— Станция «Тихая-6», говорит Матвей Рад, лицензированный археолог компании «Остов». Если вы меня слышите, ответьте любым способом. Я не вооружён для задержания. У меня есть запас воздуха и медицинский пакет.

Из-за шлюза никто не ответил.

— Ты вооружён резаком, — заметила Ная.

— Для двери это не считается.

— Дверь с тобой не согласилась бы.

Я повторил вызов. Потом постучал рукоятью по створке: три удара, пауза, ещё три. Старый знак ремонтников. В ответ пришёл один слабый щелчок.

Я поднял руку и не двигался.

Щелчок повторился через семь секунд. Слишком ровно

для человека.

За створкой работало реле.

Панель запросила личный ключ. Я приложил браслет. Надпись мигнула: «ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЁН».

— Это плохо, — сказала Ная.

— Почему?

— Потому что у тебя нет допуска к скрытым отсекам.

— Значит, отсек считает иначе.

Внутренняя защёлка освободилась. Я открыл дверь на четверть и пустил вперёд камеру-шар. На экране возникло узкое помещение, обитое тёмными плитами. Вдоль стен стояли шесть вертикальных капсул. Пять были раскрыты и пусты. Шестая оставалась закрытой. Перед ней плавал дыхательный мешок с выжатым баллоном.

На полу виднелись отпечатки магнитных подошв.

Они были моего размера.

Это ничего не доказывало. Размеры обуви совпадают чаще, чем люди готовы признать. Я сказал это Нае, хотя она не спрашивала.

— Не входи, — ответила она. — Сначала состав воздуха, излучение, температура капсул.

Я послал шар к потолку. Воздуха не было. Излучение держалось в норме. Пять открытых капсул остыли до температуры корпуса. Закрытая была на девять градусов теплее.

— В ней кто-то есть? — спросила Ная.

— Не обязательно. Батарея, накопитель, химический

блок.

— Матвей.

— Не обязательно человек.

На крышке капсулы не было окна. Только маленький экран и разъём для служебной ленты. Я вошёл, закрепился у стены и вставил чистую ленту. Устройство несколько секунд проверяло носитель, затем вывело список из двадцати семи файлов. Двадцать шесть назывались номерами. Последний — «ДЛЯ МАТВЕЯ».

Мне стало тесно в скафандре.

— Не открывай, — сказала Ная.

— Почему?

— Потому что неизвестный оставил файл на твоё имя в комнате, которой нет. Нормальный человек после этого возвращается к кораблю.

— Нормальный человек сюда не прилетает.

Я выбрал файл. Экран запросил голосовое подтверждение.

— Матвей Рад, — произнёс я.

Капсула сравнила голос и открыла запись.

Сначала послышалось дыхание. Не через микрофон шлема — свободное, комнатное. Потом кашель. Я знал этот короткий двойной кашель: так моё горло реагировало на сухой воздух после сна.

Голос сказал:

— Если ты это слушаешь, значит, я не успел уйти до тво-

его прибытия.

Я не сразу понял слова. Узнал тембр, привычку проглатывать конец слова «значит», неровную паузу перед «уйти». Ная что-то спросила, но её голос отдалился.

Запись продолжалась:

— Не открывай шестую капсулу. Сначала найди журнал пробуждений. И не верь Льву, когда он скажет, что здесь был только один Матвей Рад.

Файл закончился.

Я посмотрел на дату создания.

Запись сделали сорок три часа назад.

В это время я уже летел к «Тихой-6» и не покидал буксир.

За моей спиной щёлкнуло реле. На шестой капсуле загорелась вторая янтарная точка.

Глава 2. Воздух за смену

Вторая точка на капсуле погасла прежде, чем я успел решить, была ли она сигналом или отсчётом.

Я отступил к шлюзу и упёрся спиной в переборку. Перед глазами стояла строчка: запись создана сорок три часа назад. За сорок три часа буксир не стыковался ни с чем, кроме заправочной фермы у Свода. Я спал шесть часов, ел дважды, проверял крепления груза и всё остальное время провёл под камерами. Даже если бы кто-то подменил журнал, Ная заметила бы исчезновение человека из кресла напротив.

— Матвей, ответь.

— Я здесь.

— Отойди от капсулы.

— Уже.

— Дальше. За внутреннюю дверь.

Я послушался. Не потому, что дверь могла защитить от того, что лежало внутри чёрного корпуса, а потому, что Нае требовалось увидеть исполненный приказ. Камера на шлеме показала ей край створки.

— Закрой её, — сказала она.

— Тогда потеряем питание отсека из виду.

— Закрой.

Я потянул ручной рычаг. Створка медленно отрезала шесть капсул. Перед тем как щель исчезла, на шестой снова

вспыхнула одна янтарная точка. Замок встал на место с сухим щелчком.

Ная выдохнула. Я услышал это по связи, хотя она старалась дышать в сторону микрофона.

— Возвращайся на буксир.

— Мне нужен журнал пробуждений.

— Тебе нужна проверка крови, памяти и скафандра. Именно в таком порядке.

— Запись не могла попасть сюда случайно.

— Поэтому мы не будем разбираться с ней в одиночку на станции, которая через двадцать восемь часов выйдет из нашего окна тяги.

Я посмотрел на часы на запястье. Пока мы спорили, до обязательного возвращения осталось двадцать восемь часов тридцать одна минута. Цифры были белыми. Через шесть часов они станут жёлтыми, через двадцать — красными. Цвет ничего не менял в запасе буксира, но люди охотнее подчинялись цвету, чем арифметике.

— Если уйдём сейчас, кто-то заберёт журнал раньше следующей бригады.

— Кто?

— Тот, кто привёз батарею.

— Тогда его поймает служба рейсов.

— Она не поймала его на пути сюда.

Ная замолчала. На моём экране появился расчёт возврата. Она прислала его не как диспетчер, а как человек, уставший

спорить словами.

Буксир пришёл к «Тихой» с тремя баллонами рабочего запаса. Первый уходил на поддержание кабины и моего скафандра. Второй был резервом на манёвр возле станции: обломки заставляли нас время от времени включать малые двигатели, и каждый поворот съедал не только тягу, но и газ для их клапанов. Третий считался аварийным. По закону его нельзя было планировать в обычный расход, как нельзя было заранее вписать в рацион содержимое медицинской аптечки.

При старте через двадцать восемь часов мы возвращались на нижнюю орбиту с запасом в одиннадцать процентов сверх обязательного. Через тридцать четыре — с тремя. Через тридцать семь приходилось задействовать аварийный баллон. Через сорок один буксир мог доставить домой либо меня, либо архивный груз: для обоих не хватало воздуха на торможение и ожидание шлюза.

— Это при исправной ферме приёма, — сказала Ная. — Если у Свода снова будут менять створку, добавь два часа.

— Я вижу.

— Нет. Ты видишь цифры. А я вижу, как тебя будут вытаскивать из кресла после посадки, потому что ты решил, будто аварийный баллон — это ещё один обычный.

— Дай мне четыре часа.

— На что?

— Найти журнал. Снять копию. Проверить, куда ушли следы.

— Два часа назад твоя задача была оценить металл и данные. Теперь ты ищешь человека со своим голосом. Через четыре часа задача станет ещё какой-нибудь. Так станции и едят людей: не воздухом, а следующим разумным шагом.

Я оттолкнулся от стены и поплыл к жилой галерее. Магниты поймали решётку у кухни. На столе всё ещё стояли пять открытых чашек и одна перевернутая. После чёрного отсека они казались честнее любой записи. Шесть человек закончили пить, один вымыл свою чашку или не начал. Предметы не притворялись людьми. Они только сохраняли последствия поступков.

— Я возвращаюсь к шлюзу, — сказал я.

Ная не поверила сразу.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Хорошо. Рукав держит. Не задерживайся у шкафа.

Я дошёл до внешней створки, закрыл за собой станцию и протиснулся в гибкий рукав. В буксире пахло нагретой резиной и супом из пакета. Ная держала кабину на два градуса холоднее нормы: так мы тратили меньше воды на охлаждение и меньше спорили из-за сонливости. После станции воздух показался густым. Я снял шлем и сделал вдох слишком глубоко.

На панели над креслом горели две полосы. Зелёная показывала безусловный запас на возвращение. Синяя — рабочий остаток. Между ними была тонкая чёрная черта, кото-

рую нельзя пересекать без аварийного решения диспетчера. Раньше такие черты рисовали краской прямо на манометрах. Теперь экран мог передвинуть её после каждого манёвра, но смысл остался тем же: всё, что ниже, принадлежит не твоему плану, а твоей будущей ошибке.

Ная сидела в кресле связи, пристегнувшись одной лямкой. Её короткие волосы торчали на затылке после гарнитуры. Она не обернулась, пока я не защёлкнул шлем в держателе.

— Руку.

— Зачем?

— Потому что я сказала.

Я протянул ладонь. Она проколола палец одноразовым датчиком, дождалась зелёного света и приложила вторую пластинку к моей шее. Потом заставила следить глазами за точкой на экране и назвать первые шесть станций, на которых я работал.

— «Ковчег-Восемь», «Северная дуга», «Лента», «Малый дом», «Ковчег-Два», «Роса».

— На «Росе» ты не работал.

— Работал. Ты тогда ещё водила грузовые окна.

— Проверяла, заметишь ли.

— Очень научно.

— Лучше, чем поверить голосу из коробки.

Она сняла пластинку. Следов сонного газа, нехватки кислорода и известных веществ в крови не было. Скафандр то-

же не показывал разрывов записи. Всё время от выхода из буксира до возвращения камера снимала непрерывно. На сорок третьем часу до нашего прибытия я действительно находился здесь, в кабине. На шестой минуте того часа спорил с Наей о расходе тяги. Голос на старой записи мог принадлежать мне только в одном случае: его собрали из прежних разговоров или произнёс кто-то, у кого были мои память и привычки.

Я не хотел называть второй вариант.

Ная открыла служебный канал Свода. Сигнал шёл через два ретранслятора и возвращался с задержкой в четыре секунды. На экране появился знак воздушной службы: белый купол, перечёркнутый тремя синими линиями. Под ним проступило лицо дежурной. Она читала что-то за границей камеры и выглядела так, словно мы разбудили её посреди смены.

— Дальний буксир семьдесят два, причина внепланового сеанса?

— Обнаружен незарегистрированный отсек с автономным питанием, — сказала Ная. — Возможен недавний визит. Требуется удержать окно возврата до выяснения.

Дежурная подняла глаза.

— Продолжительность удержания?

— Четыре часа сверх утверждённой первой смены. Без перехода на аварийный запас.

Я посмотрел на Наю. Пять минут назад она отвергла мои

четыре часа. Теперь запрашивала их сама, потому что только диспетчер мог сформулировать задержку так, чтобы город не услышал признание в нарушении.

— Основание для изменения задания? — спросила дежурная.

Ная включила передачу изображения новой батареи, свежей царапины и скрытой двери. Запись моим голосом она не отправила.

— Возможное присутствие человека, — сказала она.

После восьмисекундной паузы дежурная покачала головой.

— Датчики не показывают дыхательной смеси.

— В отсеке есть тёплая капсула.

— Биологические признаки?

— Недоступны без вскрытия.

— Тогда основание — сохранение имущества. Передаю «Остову». Возвратное окно не удерживаем. При задержке более двух часов после договорного срока исполнитель теряет сменную премию. Более шести — снимается подтверждение рейтинга за рейс. Место на нисходящем транспорте передаётся следующему в списке.

На моём браслете всплыло уведомление. Система уже успела связать запрос с договором.

Текущий рейтинг: двести двадцать девять.

Ожидаемое начисление за рейс: двадцать две единицы, из них одиннадцать — за срок.

Порог отдельной жилой нормы: двести сорок.

Порог места на нисходящем транспорте: двести сорок.

При задержке я не падал ниже безусловного воздуха. Никто не мог законно перекрыть мне дыхание. Я возвращался в общую секцию Свода, где на восемь коек приходилось одно окно в коридор и один шкаф для запасных фильтров. Во время болезни получал бы обычную норму, а не усиленную. И оставался на луне до следующего грузового рейса, если город не находил мне работу с высоким начислением.

Восемь месяцев назад это показалось бы неудобством. После двенадцати лет под куполом восемь месяцев имели вес. Это были двести сорок смен Тессы, четыре замены главных фильтров, сезон пыли, когда внешние насосы приходилось чистить вручную, и ещё один шанс для «Остова» отправить меня на дальнюю станцию. Отдельная комната была не роскошью. В ней можно было закрыть дверь, не слышать чужой кашель и хранить рабочие ленты не под матрасом. Нисходящий транспорт означал Землю — не зелёную открытку из школьного архива, а место, где воздух не начисляли строкой в конце смены.

— Подтвердите получение, — сказала дежурная.

Ная смотрела на меня.

Я мог попросить её сослаться на спасательную необходимость. Тогда воздушная служба обязана была удерживать окно до проверки капсулы. Но ложное основание легло бы на неё, не на меня. Если шестая капсула оказалась пустым на-

копителем, Наю отстранили бы от дальних рейсов. Она знала это. Поэтому и не произнесла слово «спасение».

— Получение подтверждаю, — сказал я. — Задание продолжается в договорном окне.

Дежурная кивнула и исчезла. Вместо её лица появился таймер. До конца первой смены оставалось два часа семнадцать минут.

— Ты сказал, что продолжается задание, — заметила Ная.

— Так и есть.

— Ты не сказал, что возвращаешься по сроку.

— Потому что ещё не решил.

Она отстегнула ляжку и повернулась ко мне всем креслом.

— Тогда реши сейчас. Не после ещё одной двери. У тебя есть два варианта. Первый: мы ставим на отсек маяк, закрываем рукав и уходим. Ты получаешь рейтинг, кресло и комнату. «Остов» присылает сюда свою группу, а мы делаем вид, что группа найдёт всё в том же виде. Второй: ты ищешь журнал. Через два часа теряешь половину премии, через шесть — весь рейс. Я остаюсь у станции, пока зелёная полоса не дойдёт до чёрной. Потом отстыковываюсь с тобой или без тебя.

— Без меня ты не отстыкуешься.

— Отстыкуюсь. Рукав имеет аварийный резак.

— Ты его не включишь.

— Не заставляй нас обоих проверять.

Она сказала это без злости. В этом и была разница между

угрозой и пределом. Угроза хочет изменить чужое решение. Предел сообщает, что сделаешь сам.

Я открыл сообщение Тессе. Связь с жилыми секторами шла медленнее служебной; текст был надёжнее голоса.

«Могу задержаться. Потеряю рейсовые единицы и место вниз. У тебя всё в порядке с запасом?»

Ответ пришёл через минуту.

«У меня запас на двадцать три дня. Если смену снимут, будет на семнадцать. Безусловный минимум останется. Не смей превращать мои баллоны в разрешение быть трусом или героем. Решай по своей работе».

Я перечитал дважды. Тесса умела лишить человека удобного оправдания одной строкой. Я не мог сказать, что вернулся ради неё. Не мог и остаться якобы ради её будущего воздуха. Её запас принадлежал ей, мой выбор — мне.

Ная прочла сообщение с моего экрана и отвернулась.

— Похоже на неё.

— Она когда-нибудь отвечала иначе?

— Один раз. Когда ты сломал руку и спросил, стоит ли обращаться в медчасть.

— Что она сказала?

— «Не стоит. Пусть отпадёт».

Я рассмеялся. Смех вышел коротким и сразу кончился.

На панели мигнул входящий запрос. Отправитель: «Остов. Дальний надзор». Ная не успела принять, и система вывела текст автоматически.

«Работы на объекте приостановить. Обнаруженный отсек является частью закрытого оборудования заказчика. Не вскрывать носители, не копировать данные. Подрядчику гарантируется полное начисление рейтинга при немедленном возврате. Для сопровождения направлен уполномоченный представитель».

Под сообщением стояла подпись: Лев Варн.

Я почувствовал не страх, а почти облегчение. Голос из капсулы мог быть подделкой. Свежий след — ошибкой. Тёплый корпус — батареей. Но Лев не мог случайно узнать о скрытом отсеке через три минуты после сеанса с воздушной службой и сразу назвать его закрытым оборудованием.

— Дежурная передала пакет, — сказала Ная.

— Конечно.

— Он предлагает полное начисление.

— Не предлагает. Покупает время.

— Для чего?

Я увеличил схему станции. Журнал пробуждений не стали бы хранить в самих капсулах: после каждого сеанса их могли увезти или заменить. На старых станциях учёт энергоёмкого оборудования сводили в силовом узле. Но скрытый отсек поставили позже и могли протянуть отдельную линию. Нужно было найти кабель, а не угадывать дверь.

— Для того, чтобы его представитель прибыл раньше, чем я пойму, кто записал сообщение.

— Представитель — это он сам.

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Лев никому не отдаёт работу, если в ней можно потратить право назвать решение своим.

Я поднял шлем.

Ная положила ладонь на его верхний край. Не отобрала, просто не дала снять с держателя.

— Решение словами, Матвей.

На таймере было два часа девять минут до потери первой части премии. Одиннадцать рейтинговых единиц отделяли меня от обратного рейса. Ровно столько «Остов» обещал вернуть за послушание.

Я представил отдельную комнату, пустой шкаф и закрытую дверь. Потом — шестую капсулу, которую кто-то просил не открывать. Между ними не было красивого выбора. Комната была настоящей. Капсула могла оказаться ловушкой. Но журнал существовал: Лев подтвердил это своим запретом на копирование.

— Я ищу журнал до чёрной черты, — сказал я. — Капсулу не открываю. При каждом манёвре возвращаюсь к расчёту. Если запас коснётся предела, выхожу независимо от результата.

— А рейтинг?

— Если успею за два часа, сохраню половину премии.

— Ты не успеешь.

— Тогда не сохраняю.

Ная убрала руку со шлема.

— Я отмечаю, что приказала вернуться.

— Отмечай.

— И что ты понял расчёт.

— Понял.

— И что шестую капсулу нельзя открывать без меня.

— Ты будешь на связи.

— Это не то же самое.

— Не открою.

Она разрешила мне взять шлем, но прежде переключила подачу скафандра на меньший расход. Воздух стал суше, вентилятор — тише. На шесть часов хватило бы без смены баллона. На восемь пришлось бы вернуться.

Перед входом в рукав я снял со стены два кабельных датчика, моток светящейся нити и старый механический зажим. Резак оставил в держателе. Если для поиска журнала понадобится резать стену, значит, я выбрал неправильный путь.

— Матвей, — позвала Ная, когда я уже закрыл внутренний люк буксира.

— Да?

— Сопровождающий корабль отделился от Свода девятнадцать минут назад. Он вышел до сообщения Льва.

Я остановился в надутым рукаве.

— Время прибытия?

— Девять часов сорок минут. Если они не пожгут аварийную тягу.

Значит, Лев отправился к «Тихой» ещё до того, как воздушная служба получила наш пакет. Возможно, до того, как я открыл скрытую дверь. Он знал, что мы найдём отсек. Или боялся, что найдём.

— Теперь вернёшься? — спросила Ная.

Я посмотрел на две полосы запаса, продублированные на запястье. Зелёная оставалась выше чёрной. Синяя уменьшалась медленно и равномерно. У меня был воздух на работу, но больше не было времени притворяться, что это обычная оценка металла.

— Нет, — сказал я. — Теперь я знаю, сколько у меня есть до Льва.

Я вошёл в шлюз «Тихой-6», закрепил светящуюся нить у первой метки и повёл кабельный датчик вдоль стены. Под панелями тянулась слабая жила питания. Она шла не от силового узла, обозначенного на схеме, а в сторону старого учебного сектора.

За закрытой дверью шестая капсула молчала.

Я не прикоснулся к замку. Журнал следовало искать там, куда уходил кабель.

Глава 3. Чёрная капсула

Скрытый кабель не любил прямых дорог. Он нырял под жилые ячейки, обходил кухню и дважды возвращался к одной переборке, будто монтажник прокладывал его остатками чужих бухт. На схеме этих изгибов не было. Я вёл вдоль стены светящуюся нить и каждые десять метров ставил метку, чтобы на обратном пути не доверять памяти.

— Напряжение прыгает, — сказала Ная.

— Кто-то включает нагрузку.

— Капсула?

— Не знаю.

Я не произнёс «шестая». Закрытая дверь осталась за двумя переборками, но станция будто продолжала держать её рядом. Каждый раз, когда датчик показывал короткий всплеск, я представлял янтарную точку.

Кабель привёл в учебный сектор. Когда-то здесь учили детей латать воздушные мешки и отличать настоящий сигнал тревоги от учебного. На стенах сохранились рисунки клапанов. Красный круг означал закрыть, зелёная стрелка — идти к шлюзу. Под рисунками стояли низкие верстаки с ремнями для ног.

У дальнего верстака жила уходила в пол.

Я снял крышку. Под ней лежал обычный распределитель, только один предохранитель был новым. На белом корпусе

кто-то написал карандашом: «Не выше 6». Рядом остался отпечаток большого пальца в серой пыли.

— Свежий? — спросила Ная.

— Старше следа у шлюза. Пыль легла по краям.

— Дни?

— Недели. Может, месяцы.

Я подцепил предохранитель механическим зажимом. Ток прекратился, и датчик на запястье показал, как остывает линия. Где-то позади щёлкнуло реле.

— Ты обесточил капсулу?

— Нет. У неё своя батарея. Эта линия питает что-то ещё.

Под распределителем обнаружилась петля тонкого световода. Такие ставили между медицинскими носителями и журналом учёта: по меди шло питание, по стеклу — сведения, которые нельзя было потерять при помехах. Световод уходил не вниз, а под верстак.

Я отстегнул ремни и потянул стол на себя. Ножки не сдвинулись. Их прикрутили к полу после эвакуации — головки болтов блестели. Снизу на столешнице нашёлся ряд отверстий, слишком ровных для повреждения. Я вставил в них пальцы и нажал одновременно. Стол поднялся на ладонь.

Под ним лежала чёрная плита размером с чемодан.

— Журнал, — сказал я.

— Сначала изображение корпуса.

Я провёл камерой по краям. Ни маркировки, ни пломб. Только три разёма и квадратная выемка под личный ключ.

Лев запретил копировать данные, но не успел запретить мне смотреть на винты. Два были старыми, четыре новыми. Плите открывали недавно.

Я приложил браслет.

Экран на плите ожил: «ВЛАДЕЛЕЦ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН». Это было почти облегчением. Скрытый отсек признал меня сразу. Журнал — нет.

— Не ломай, — сказала Ная.

— Я археолог, а не грузчик.

— Три двери назад ты был готов резать стену.

— Но не стал.

Я вынул браслет и осмотрел выемку. По краям остались светлые потёртости от ключа другой формы. Старые станции использовали длинные служебные пластины с двумя контактами. Современный браслет имитировал их, но журнал ждал физическую перемычку.

В учебном наборе на стене висели макеты клапанов и связка тренировочных ключей. Четыре были пластиковыми. Пятый оказался настоящим, только контакты с него сняли. Кто-то оставил детям правильную форму и убрал возможность открыть настоящую дверь.

Я разобрал датчик, вынул две медные лапки и закрепил на ключе светящейся нитью.

— Это считается взломом? — спросила Ная.

— Это считается уроком по аварийному доступу.

— Запишу именно так для суда.

Ключ вошёл. Плита попросила назвать объект.

— «Тихая-6», жилое кольцо, — сказал я.

«ОБЪЕКТ СПИСАН. АВАРИЙНЫЙ ДОСТУП. ТОЛЬКО ЧТЕНИЕ».

На экране возникли шесть вертикальных полос. Пять были серыми, последняя чёрной. Над каждой стоял номер носителя. Имен не было.

Я выбрал первую полосу.

«НОСИТЕЛЬ 6-01. ПОЛУЧЕН: 12 ЛЕТ 4 МЕСЯЦА НАЗАД. ПРОБУЖДЕНИЙ: 3. ГАШЕНИЙ: 3».

Вторая: пять пробуждений, пять гашений. Третья: одно и одно. Четвёртая: девять и девять. Пятая: два пробуждения, последнее гашение не подтверждено.

У шестой не было итогов. Только дата установки — восемь месяцев назад — и строка: «СОСТОЯНИЕ: ОЖИДАНИЕ».

— Скопируй экран камерой, — сказала Ная.

— Уже.

— Не выгружай сам журнал. Формально приказ касался данных.

— А изображение не данные?

— Изображение — часть твоего рабочего отчёта. Пусть юристы дерутся за существительные.

Я вернулся к пятой полосе. Неподтверждённое гашение могло означать испорченный датчик или человека, который вышел из капсулы и не вернулся. Под записью имелась кноп-

ка «НАЗНАЧЕНИЕ». Экран потребовал второй ключ, но рядом мигал значок аварийной истории. Его удалось открыть без подтверждения.

Появилась фамилия: «КОРЕНЬ, АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ». Специальность: техник внешних ферм. Согласие на посмертное восстановление: есть. Подтверждение смерти оригинала: есть.

Дата смерти была двенадцать лет назад, в день аварии «Тихой».

— Он среди найденных? — спросил я.

Ная подняла старый список.

— Да. Один из троих в ремонтном кармане. Разгерметизация костюма.

— Тогда первое пробуждение могло быть законным.

— А второе?

Я открыл историю. Первую копию Александра Кореня пробудили через шесть дней после аварии. Он помог восстановить внешнюю ферму и подготовить эвакуацию оборудования. Через четырнадцать часов запись сообщала: «Сеанс завершён». Не «смерть», не «остановка сердца». Завершён сеанс, будто человек был разговором по связи.

Через месяц того же Кореня пробудили снова. Цель: поиск пропавшей спасательной капсулы. Итог: объект не найден. Гашение подтверждено.

Третье пробуждение состоялось восемь месяцев назад.

Цель не указывалась. Гашение — не подтверждено.

— Батарейку привезли тогда же, — сказала Ная.

— И новый носитель.

— Шестой?

— Похоже.

Я запросил сведения о третьем пробуждении. Журнал показал время выхода из капсулы, медицинские показатели и выдачу дыхательного мешка. Того самого, который исчез из шкафа у шлюза. Александр Корень прожил на станции как минимум семь часов. Потом учёт оборвался.

— Если он ушёл, куда? — спросила Ная. — Подход зарегистрирован только один.

— Значит, либо его увезли без реестра, либо он остался.

— Воздуха нет.

— Сейчас нет.

На старом плане ремонтного кармана была автономная камера. Во время аварии в ней нашли тело оригинала. После эвакуации камеру разгерметизировали. Копия могла восстановить её, но тогда датчики показали бы расход.

Я открыл список операций питания. Семь часов после пробуждения система действительно подавала воздух в ремонтный карман. Затем клапан закрыли. За минуту до закрытия Корень приложил личный ключ к журналу и изменил маршрут учёта.

— Он сам выключил воздух? — спросила Ная.

— Или подготовил выход.

Следующая запись была страннее: носитель 6-05 отсоеди-

нили от питания, но капсула продолжала отвечать ещё четыре минуты. Потом её снова подключили. Масса капсулы уменьшилась на восемьдесят два килограмма.

— Он вышел, — сказала Ная.

— Да.

— И не вернулся.

— Журнал не знает.

Я смотрел на фамилию погибшего техника и пытался представить человека, который проснулся через двенадцать лет после собственной смерти. Для него между аварией и чёрной крышкой могло не быть ничего. Он помнил разгерметизацию, боль или только подготовку к смене — смотря когда сделали снимок. Ему выдали мешок на семь часов и работу без названия. Потом учёт перестал считать его человеком и отметил потерю массы оборудования.

— Найди его личную запись, — сказала Ная.

— Здесь только служебные поля.

— У него должны были взять подтверждение личности.

Я открыл медицинский раздел. Голосовой образец существовал, но журнал требовал ключ владельца. Рядом хранился контрольный вопрос: «Что вы сделали перед входом в ремонтный карман?»

Ответа на экране не было.

Я вспомнил аварийный отчёт. Трое техников вошли в карман, чтобы вручную закрыть створку радиатора. Перед входом Корень передал дочери сообщение. Содержание счита-

лось личным и в отчёт не попало.

— Не угадывай, — предупредила Ная.

— Не собираюсь.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как угадать.

Я закрыл раздел. В археологии полезнее признать пустоту, чем заполнить её красивой версией.

Под списком носителей обнаружилась история подключения. Журнал связывался не только с капсулами. Восемь месяцев назад к нему подсоединили переносной медицинский блок, затем ключ сотрудника «Остова». Имя сотрудника было скрыто, но номер лицензии сохранился.

Ная проверила его по рейсовому реестру.

— Лицензия Льва.

— Он пробудил Кореня.

— Или присутствовал.

— Для журнала это одно и то же?

— Для суда — нет.

На таймере до первой потери рейтинга оставалось сорок восемь минут. Корабль Льва приближался. Я мог снять всё камерой и уйти. Но экран показывал ещё одно подключение, сделанное сорок четыре часа назад — примерно за час до голосовой записи «Для Матвея».

К журналу приложили ключ Александра Кореня.

Мёртвый техник вернулся или кто-то пользовался его именем.

Я открыл маршрут. Ключ запросил доступ к шестому но-

сителю, получил отказ, затем создал файл в памяти самой капсулы. Через пятьдесят три минуты в отсек вошёл другой ключ.

Мой.

— Этого не было, — сказал я.

Ная долго не отвечала.

— Твой браслет сейчас на тебе?

Я поднял руку к камере.

— Он не покидал запястье с медпаузы перед вылетом.

— До медпаузы?

— Лежал в шкафу подготовки. Его проверяли.

— Кто?

Я знал ответ. Сотрудник «Остова» оформил допуск и снял медицинский снимок перед дальним рейсом. Обычная страховка на случай травмы мозга. Я подписал согласие на диагностику, не на копирование.

— Лев был в смене допуска, — сказал я.

Журнал позволял открыть технический отпечаток ключа. Это был не мой браслет: серийный номер не совпадал. Но подпись владельца совпадала полностью. Кто-то изготовил второй ключ, законно подписанный моим именем.

— Снимай журнал и уходи, — сказала Ная.

— До потери премии сорок минут.

— Я не про премию. Корабль Льва ускорился. Восемь часов десять минут.

Я выбрал аварийное копирование. Журнал предупредил,

что выгрузка займёт двадцать шесть минут и оставит отметку. Запрет «Остова» всплыл поверх экрана. Я подтвердил действие личным ключом, уже зная, что где-то существует его двойник.

Световод замигал. На мою служебную ленту потекли записи.

Пока шла выгрузка, я осмотрел нижнюю сторону плиты. Там была закреплена маленькая прозрачная коробка. Внутри лежала бумажная бирка — настоящая бумага, редкость на станции. На ней карандашом написали: «Саша, если проснёшься ещё раз, не чини им ничего».

Почерк был неровным. Подписи не было.

— Это мог оставить первый Корень, — сказала Ная.

— Или второй.

— Для третьего.

Три человека с одной памятью до снимка предупреждали друг друга через годы, а журнал считал их тремя включениями оборудования.

Копирование закончилось за тридцать секунд до расчётного срока. Я вынул ленту, вернул тренировочный ключ на стену и опустил верстак. Новый предохранитель оставил отключённым.

— Что с капсулой? — спросила Ная.

— С какой?

— Пятой. Корень вышел из неё.

Мне не хотелось возвращаться в скрытый отсек, но без

осмотра мы не знали, что именно нашли. Я пошёл по светящейся нити назад. У двери с шестью капсулами остановился и проверил замок. Питание держалось на внутренней батарее.

— Я открою только внешний отсек, — сказал я. — Шестую не трогаю.

— Камера непрерывно.

— Да.

Внутри пять раскрытых капсул стояли как пустые шкафы. На пятой нашёлся номер 6-05. Чёрная оболочка была поцарапана изнутри возле ручного спуска. На мягкой подкладке лежал один седой волос. Я запечатал его в пробирку.

Внутренняя панель сохранила след ладони и три слова, процарапанные острым предметом:

«Я не сеанс».

Шестая капсула оставалась закрытой. Теперь я видел на её боку маленькую табличку, прежде скрытую дыхательным мешком. Имени не было. Только номер 6-06 и дата установки.

Под датой стояла масса содержимого: восемьдесят семь килограммов.

После моего возвращения на станцию она уменьшилась на двести граммов.

— Температура растёт, — сказала Ная. — Матвей, выходи.

Я не стал ждать второй команды. Закрыв дверь, поставил

на замок механическую скобу и направился к шлюзу. Лента с журналом лежала во внутреннем кармане скафандра. В ней были три пробуждения Александра Кореня, поддельный ключ на моё имя и доказательство того, что Лев пришёл сюда восемь месяцев назад.

За спиной скоба тихо звякнула.

Не упала. Просто приняла нагрузку с другой стороны двери.

Глава 4. Бывший напарник

Скоба за дверью снова звякнула, когда я добрался до жилого кольца. На этот раз сильнее. По металлу прошла короткая дрожь, будто кто-то изнутри проверил дверь плечом и отступил.

Я не обернулся.

До шлюза оставалось сто восемьдесят метров по изогнутому коридору. На исправной станции их проходишь, не замечая. Здесь каждый поручень помнил чужие ладони, каждая решётка могла скрывать оборванный кабель, а за стеной лежала капсула, чья масса менялась сама собой. Я двигался быстрее, чем позволяли правила работы в одиночку, но не бежал. Бег в невесомости — хороший способ разбить шлем о первую поперечину.

— Скоба держит? — спросила Ная.

— Пока да.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

На экране запястья ползла картинка с камеры, оставленной у скрытого отсека. Дверь не открывалась. Скоба выгнулась на два миллиметра и замерла. Тепловой датчик показывал за ней тёплое пятно размером с человеческое тело, но возле работающей капсулы такой след ничего не доказывал.

Я отключил изображение. Смотреть назад через камеру

было почти то же самое, что оборачиваться в тёмном коридоре: легче не становилось, а поручень перед лицом можно было пропустить.

У внешнего шлюза меня ждал серый мешок с добычей первого осмотра. Я закрепил на груди пробирку с волосом и служебную ленту, остальное пристегнул к буксировочному тросу. Потом закрыл внутреннюю створку и дал камере снять пломбу. Станция ответила на откачку ленивым скрежетом насосов.

— Давление падает слишком медленно, — сказала Ная.

— Уплотнение старое.

— На входе было быстрее.

Я посмотрел на схему. Воздух уходил не только в накопитель. Тонкая линия тянулась обратно в жилое кольцо.

Кто-то открыл аварийный перепуск.

Ручка находилась снаружи шлюзовой камеры, в коридоре, который я только что покинул. Чтобы закрыть её, пришлось бы снова наполнить камеру, открыть створку и вернуться.

— Не ходи, — сказала Ная.

— Если перепуск останется открытым, шлюз не выпустит меня.

— Аварийный выход.

Справа от створки имелся красный рычаг. Он срывал внешнюю дверь с замков, а остаток воздуха выбрасывал наружу вместе со всем незакреплённым. Я проверил карабины, подтянул трос с мешком и прислонился спиной к стене.

— Скафандр герметичен, — сказал я.

— Удар будет сильный.

— Я считал.

— Когда?

— Пока ты говорила.

Это было враньё. Считать я начал раньше, но закончил только сейчас. Остаточное давление, площадь двери, мой вес вместе со снаряжением, длина страховки. Цифры не обещали удобства. Они обещали, что позвоночник, скорее всего, останется цел.

Я потянул рычаг.

Шлюз ударил меня всей станцией сразу. Внешняя створка распахнулась, белое облако превратилось в ледяную пыль, мешок рванулся к выходу. Карабин впился в крепление на груди. Я отлетел от стены, страховочный конец натянулся и развернул меня лицом к чёрному пространству.

«Тихая-6» медленно вращалась подо мной. Вдоль кольца тянулись мёртвые окна, за ними не горел ни один огонь. Только у жилого шлюза на миг мелькнуло тёплое пятно. Оно могло быть отражением сигнального фонаря.

Мой буксир висел в тридцати метрах, маленький и неровный, как инструментальный ящик, забытый строителями. Я втянул страховку, оттолкнулся от края шлюза и перелетел к нему. Магниты на ботинках поймали обшивку. После тяжёлой тишины станции вибрация работающего двигателя показалась домашним шумом.

Наружная камера буксира повернулась ко мне.

— Вижу тебя, — сказала Ная. — Правый кислородный шланг.

Я провёл рукой по боку. Шланг выскочил из держателя, но не порвался.

— Цел.

— Сначала внутрь. Потом радуйся.

В собственном шлюзе я откачал остатки пыли, закрыл наружную дверь и только тогда позволил коленям согнуться. Мешок повис у стены. Служебная лента была на месте. Пробы тоже. На перчатке появилась свежая царапина, а под ней — целый слой герметика.

— Давление нормальное, — сказала Ная. — Можешь снять шлем.

Я не снял.

Сначала вынул ленту, вставил её в изолированный считыватель и включил физический запрет записи. На экране появился список файлов. Двадцать семь разделов, журналы пробуждений, питание, ключи доступа. Копия открывалась.

Только после этого я отстегнул шлем.

Воздух буксира пах тёплым пластиком, кофе из старой кружки и мной. Обычно после станции этот запах успокаивал. Сейчас я услышал в нём затхлость маленькой коробки, где кислород принадлежал одному человеку и был рассчитан до минуты.

— Передавай архив, — сказала Ная.

— Канал узкий.

— Сначала журнал ключей и пробуждений. Потом остальное.

Я отметил нужные разделы. Расчёт показал сорок три минуты. Слишком долго для открытого луча, но другого способа вынести доказательства со станции не было.

— Разобьём на части, — решил я. — По четыре минуты, с разными заголовками.

— Почему?

— Лев сможет заглушить длинную передачу. Короткие придётся ловить по одной.

— Он ещё в семи часах.

— Корабль — да. Его доступ к связи ближе.

Я переименовал первый кусок в отчёт о коррозии внешней фермы и отправил. Второй назвал перечнем бытового мусора. На третьем индикатор передачи остановился.

Вместо него на экране возникло сообщение «ПРОВЕРКА ПОДРЯДЧИКА».

— Ная?

— Не я. Не отключай питание.

Буксир на мгновение ослеп. Погас свет, умолк вентилятор, потом резервная батарея вернула всё разом. Передача сорвалась. На служебной ленте загорелся красный огонёк: кто-то попытался получить право записи через считыватель.

Я выдернул её.

— Корпоративный луч с ретранслятора, — сказала Ная.

— Они увидели незаявленный объём.

— Успело уйти?

— Два пакета полностью. Третий повреждён.

— Сохрани вне рейсовой системы.

— Уже.

На главном экране появилось лицо Льва Варна.

Связь шла с задержкой в несколько секунд, но изображение было слишком чистым для дальнего корабля. Значит, он действительно захватил ближайший ретранслятор. Лев сидел без шлема, пристёгнутый к креслу четырьмя ремнями. За его плечом горела эмблема «Остова» — белая ферма на чёрном круге. Волосы у него стали короче, на левой щеке появилась тонкая складка. В остальном он выглядел так же, как при нашей последней встрече три года назад: человек, который уже принял решение за обоих и теперь подбирает вежливые слова.

— Матвей, — сказал он. — Ты цел?

Я не включил камеру.

— Ты отключил мне питание.

— Автоматическая проверка. Я остановил её, как только увидел твой номер.

— Поэтому она попыталась писать на мою ленту?

Лев отвёл глаза к своему экрану. Задержка давала ему время придумать ответ, но он не стал.

— Считыватель принадлежит «Остову». У него есть служебный режим.

— А лента принадлежит мне.

— По договору всё, что найдено на объекте, сначала проходит очистку от опасного кода.

— В договоре нет права подделывать мой ключ.

Лев снова посмотрел прямо в камеру.

Много лет назад мы учились не смотреть друг на друга во время сложного ремонта. Если следишь за лицом напарника, пропускаешь показания. Потом это превращается в привычку: важные разговоры ведёшь, глядя на приборы. Сейчас перед Львом не было ничего, кроме моего тёмного окна, и он всё равно нашёл точку чуть левее камеры.

— Включи изображение, — попросил он.

— Зачем?

— Хочу увидеть, не разбил ли ты голову.

— Медицинский канал показывает показатели.

— Его ты закрыл.

Я машинально коснулся браслета. Канал действительно был закрыт. Я не помнил, чтобы делал это после возвращения.

— Что находится в шестой капсуле? — спросил я.

Лев медленно выдохнул.

— Ты её открыл?

— Нет.

— Тогда не открывай.

— Что там?

— Носитель, повреждённый при перевозке.

— Его масса уменьшилась, когда я вошёл на станцию.

На экране дрогнуло только его нижнее веко. Когда-то это-го хватало, чтобы я понял: он боится. Не обязательно за себя.

— Уходи от станции, — сказал Лев. — Дай малую тягу и отойди на пять километров.

— Ты восемь месяцев назад пробудил Александра Кореня.

— Мы поговорим, когда я подойду.

— Ты был там?

— Матвей.

— Он вышел из пятой капсулы. Гашение не подтверждено. Куда ты его увёз?

Лев расстегнул верхний ремень. Это движение я тоже помнил. Перед тяжёлой работой ему всегда становилось тесно, хотя ремень не мешал.

— Отойди от станции, — повторил он. — Сейчас это важнее.

— Для кого?

— Для тебя.

— А в шестой капсуле кто?

— Я не обсуждаю личность по открытому каналу.

Не «что», а «личность».

Ная не вмешивалась. На маленьком служебном экране она вывела строку: «ПРОДОЛЖАЙ. ЗАПИСЬ ИДЁТ». Я отключил её сообщение, чтобы Лев не заметил отражение в стекле шлема.

— Ты назвал носитель повреждённым, — сказал я.

— Носитель и человек — не одно и то же.

— Наконец-то.

— Никогда не утверждал обратного.

— В журнале написано «сеанс завершён».

— Это старый язык учёта.

— Девять пробуждений одного носителя. Девять завершённых сеансов. Сколько из них просили не выключать их?

— Ты читаешь строки без обстоятельств.

— Тогда дай обстоятельства.

— Не через ретранслятор.

— Тебе он не мешал залезть в мой буксир.

Лев отстегнул второй ремень и подтянулся к панели. Изображение качнулось. Где-то рядом с ним работал двигатель, и по обшивке проходила мелкая дрожь.

— У тебя осталось пять часов до окна отхода, — сказал он. — Если начнёшь манёвр сейчас, вернёшься по прежнему расчёту.

— Ты только что велел ждать тебя.

— Я велел отойти от станции. Не ждать.

— А ты зачем летишь?

— Забрать опасное оборудование.

— И мой журнал.

— Копия журнала уже у тебя. Сдай её комиссии после возвращения, если считаешь нужным.

— Ты не станешь мешать?

— Нет.

Ответ пришёл слишком легко. Я посмотрел на расчёт тяги. Чтобы попасть в прежнее окно, мне действительно нужно было начать отход в ближайшие двадцать минут. Разгон увёл бы буксир от ретранслятора, а передача архива осталась бы незаконченной. Потом на пути к Своду я прошёл бы через три узла «Остова». Лев мог не отнимать у меня ленту. Достаточно было сделать так, чтобы существовал только один экземпляр.

— Дай письменное подтверждение, — сказал я. — Журнал остаётся у меня. Доступ к буксиру закрыт. Все найденные данные передаются городской комиссии без очистки «Остова».

— Ты знаешь, что я не могу подписать последнее.

— Тогда ты мешаешь.

— Я отвечаю за вредоносные записи. На старых станциях были случаи, когда заражённая автоматика принимала команды из архива.

— Здесь не автоматика. Здесь люди.

— Именно поэтому ты должен привезти сведения целиком, а не рассыпать их по открытому каналу.

Я вспомнил бирку под журналом: «Саша, если проснёшься ещё раз, не чини им ничего». Бумага пережила годы, потому что её нельзя было стереть служебной командой. Корень понимал защиту архива лучше нас обоих.

— Подойду к тебе через шесть часов тридцать минут, —

продолжил Лев. — У моего корабля есть запас для обратного разгона. Мы закрепим твой буксир снаружи. Ты получишь пассажирское место.

— У тебя нет заявленного пассажирского места.

— Есть аварийная ниша.

— Она не сертифицирована для долгого торможения.

— Я привёз вкладыш.

— Под мой вес?

— Под твой.

Вот зачем ему понадобился медицинский канал. Не сейчас — раньше, до рейса. Рост, вес, старые переломы, допустимая нагрузка. Вкладыш изготовили до того, как я нашёл капсулу.

— Ты собирался забрать меня с самого начала, — сказал я.

— Я собирался иметь возможность.

— Поэтому в моём буксире топлива впритык?

— Топливо рассчитано по заданию.

— А задание рассчитано так, чтобы я не мог задержаться.

— Любой дальний рейс рассчитан так, Матвей. Мы не возим лишнюю массу ради красивого чувства свободы.

— Но вкладыш для меня привезли.

Лев помолчал. Потом включил рядом с собой схему. На ней два корабля сходились у «Тихой-6», после чего его большой буксир уходил к Своду. Мой оставался пристёгнутым снаружи как груз.

— Я даю тебе место домой, — сказал он. — Не рейтинг, не обещание комиссии, не очередь следующего года. Настоящее кресло. Через девять суток ты будешь под куполом.

На стене моего буксира висела фотография комнаты, которую я собирался получить после контракта. Четыре шага от двери до окна, своя раковина, воздушный запас на двое суток болезни. Я снял её с объявления о распределении жилья и приклеил над койкой. Глупая картинка, но на дальнем рейсе она работала лучше торжественных речей.

Лев знал, куда смотреть, хотя моей камеры не видел.

— Рейтинг за объект сохраняют, — добавил он. — Я уже согласовал. Тесса останется в твоей семейной группе до перерасчёта. Её запас не уменьшат.

— Не произноси её имя.

— Почему? Потому что тогда предложение станет настоящим?

— Потому что она не часть сделки.

— В Своде все часть расчёта. Ты сам это знаешь.

— Она запретила мне покупать ей воздух молчанием.

Впервые за разговор Лев посмотрел точно в камеру.

— Я не прошу молчать.

— Просишь отдать тебе станцию, капсулу и единственную полную копию журнала.

— Я прошу не решать сложную вещь за четыре минуты передачи. Привези доказательства. Подай заявление. Выступи перед комиссией. Я не остановлю тебя.

— А что ты сделаешь с тем, кто находится в шестой капсуле?

— Не дам тебе убить его любопытством.

Слова попали точнее, чем он, наверное, хотел. Я действительно мог убить человека, если открою неисправную капсулу без медицинского блока. Но и оставить её Львову кораблю означало передать единственного свидетеля тому, кто уже подделал мой ключ.

— Откуда на станции ключ с моей подписью? — спросил я.

— Я не подделывал твой браслет.

— Это не ответ.

— Ключ изготовила система допуска.

— По чьей команде?

— По штатной процедуре.

— Для чего?

— Чтобы открыть оборудование, привязанное к подрядчику на объекте.

— Я не был подрядчиком восемь месяцев назад.

Задержка закончилась. Лев ничего не сказал.

Я увеличил запись журнала и вывел время применения второго ключа. Сорок четыре часа назад, когда мой буксир ещё шёл к станции, кто-то открыл доступ моей подписью. Голос «Для Матвея» появился часом позже.

— Второй ключ использовали позавчера, — сказал я. — Кто был на станции?

— Не знаю.

— Твой корабль знает.

— Мой корабль вышел из Свода вчера.

— Тогда чей?

— Матвей, отойди на пять километров.

Теперь в его голосе не было подрядчика. Так он говорил во время аварии на «Клёне», когда меня прижало фермой и он три часа резал металл вокруг ноги. Коротко, без объяснений, потому что объяснения тратили воздух.

Я почти включил двигатель.

Почти.

— Ты однажды уже попросил меня выполнить команду без причины, — сказал я.

— И вытащил тебя.

— После того как сам снял страховочный упор.

Лев отвернулся.

Двенадцать лет назад на «Клёне» он хотел ускорить разбор фермы и снял упор, который считал лишним. Металл сложился. Меня придавило, его выбросило в разгерметизированный отсек. Тот Лев умер через девятнадцать минут после спасения меня. Человек на экране проснулся из снимка, сделанного за неделю до аварии. Он помнил упор целым. Вину за решение он узнал из моей записи и принял как свою, хотя сам этого решения не делал.

Мы больше никогда не спорили, чей был поступок. Было проще ненавидеть одного непрерывного Льва.

— Я не снимал упор, — тихо сказал он.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Ты каждый раз смотришь на меня так, будто я должен помнить движение руки. Я прочитал его в отчёте. Я поверил тебе. Я принял долг человека, которым меня назвали. Но самого мгновения у меня нет.

— Ты принял его место, выплаты и имя.

— И его вину. Удобный набор, правда?

— Это ты сейчас защищаешь порядок, который исключает лишние копии.

— Потому что видел, что бывает иначе.

Он снова закрепил ремень. Голос стал ровнее.

— После аварии страховая два дня не признавала меня Львом. Воздушная запись оставалась за умершим. Мне выдавали баллон по норме временного оборудования. У меня не было права открыть собственную комнату, получить собственные вещи, забрать компенсацию за собственную смерть. Если бы оригинал выжил, мы оба числились бы ошибкой. Ни один не получил бы ничего, пока суд делил одно имя. Правило жестоко, но оно не оставляет двух людей медленно задыхаться у закрытой двери.

— Оно оставляет одного мёртвым заранее.

— Оно требует согласия.

— Корень соглашался на посмертное восстановление, а не на девять смен.

— С Корнем нарушили условия.

— Кто?

— Не я.

— Но ты пришёл убирать следы.

— Я пришёл исправить то, что ещё можно исправить.

— Сколько человек для этого придётся выключить?

— Ни одного, если ты отойдёшь от станции.

На малом экране Ная вывела новую строку: «ЕГО КОРАБЛЬ УСКОРЯЕТСЯ. 5:52». Лев жёг больше топлива, чем позволял обычный заход. Значит, предложение обратного кресла было не приманкой. Он действительно собирался забрать меня — или не хотел, чтобы до станции первым добрался кто-то другой.

Я открыл навигацию и включил малую тягу.

Лев заметил изменение по телеметрии.

— Хорошо. Держи курс от кольца.

— Я не дал тебе доступ к телеметрии.

— Внешний радар показывает струю.

Я развернул буксир носом от станции. Двигатель работал восемь секунд. Расстояние выросло до четырёхсот метров.

Потом я выключил тягу.

— Дальше, — сказал Лев.

— Сначала подпись.

— Какую?

— Ты признаёшь Александра Кореня человеком с момента каждого пробуждения. Признаёшь, что гашение без его согласия было прекращением жизни, а не завершением се-

анса. И обязуешься не открывать шестую капсулу без независимого врача и записи всех действий.

— Ты просишь меня признаться в преступлении от имени компании.

— Нет. От своего имени.

— Это ничего не даст Кореню.

— Зато даст мне причину поверить, что ты видишь в капсуле человека.

— Я только это в ней и вижу.

— Подпиши.

Лев закрыл глаза. Изображение застыло не из-за связи: я видел, как дрожит ремень на груди.

— Отправляю, — сказал он.

На мой терминал пришёл короткий документ. Лев признал пробуждённого носителя отдельным человеком и обязался сохранить ему жизнь до независимого осмотра. Имени Кореня в тексте не было. Слова о прошлых гашениях он тоже убрал.

— Половина, — сказал я.

— Та половина, за которую могу отвечать.

Я проверил подпись. Настоящая. Не служебный ключ, не знак компании — личная подпись Льва Варна, человека, появившегося двенадцать лет назад после смерти другого Льва.

Я сохранил документ на ленту и отправил Нае.

— Теперь отходи, — сказал он.

— Сначала закончу передачу журнала.

— Ты не успеешь в окно.

— У меня есть место на твоём корабле.

Лев понял раньше, чем договорил я. Его предложение освободило меня от главной угрозы: необходимости выбирать между доказательствами и возвращением. Он рассчитывал, что кресло купит послушание. Вместо этого оно купило мне шесть часов.

— Если останешься рядом, я не смогу безопасно подойти,
— сказал он.

— Отойду на километр. Луч сохранится.

— Пять.

— На пяти ретранслятор закроет станция.

— Именно.

— Значит, дело не в безопасности.

Он ударил ладонью по выключателю камеры. Экран погас. Остался только звук.

— Ты всегда делал так, — сказал Лев. — Брал мою страховку и превращал её в право рисковать больше.

— А ты всегда называл поводок страховкой.

— На этот раз на другом конце не только ты.

— Кто в капсуле?

Связь оборвалась.

Я включил передачу следующего пакета. Четыре минуты журнал шёл к Нае под видом перечня крепежа. Потом ещё четыре — как карта коррозии. Лев больше не пытался залезть в считыватель.

За иллюминатором «Тихая-6» уменьшалась медленно. Я держал расстояние в километре, подправляя курс короткими включениями боковых двигателей. С этого места станция казалась совершенно мёртвой. Никакого тёплого пятна, никакого движения у шлюза.

На пятом пакете Ная сказала:

— Матвей, к станции идёт маяк.

— От Льва?

— Нет. С самой станции. Очень слабый, старый аварийный диапазон.

Я нашёл частоту. Сигнал повторялся каждые двадцать семь секунд: три коротких импульса, пауза, один длинный. Не просьба о спасении. Служебный вызов буксира.

— Он появился после моего выхода?

— Через девять минут.

— Почему раньше не сказала?

— Проверяла, не отражение ли это твоего передатчика.

На экране всплыл запрос на соединение. Источник не указывался. Только старый номер доступа Александра Кореня.

Я принял вызов без звука и изображения. Пришёл текст из четырёх слов:

«ЛЕВ ПРИВЁЗ НЕ СЕБЯ».

Ниже появился отсчёт. Пять часов сорок одна минута — почти точное время до прибытия корпоративного буксира.

— Это может быть ловушка, — сказала Ная.

— Может.

— Или автоматика повторяет старую запись.

— Отсчёт свежий.

Я открыл служебный реестр приближающегося корабля. Командир: Лев Варн. Экипаж: один. Медицинский груз: один носитель, масса девяносто один килограмм. Вкладыш для аварийного кресла в грузах не значился.

Девяносто один килограмм мог весить человек в транспортной капсуле. Или пустая капсула с батареей. Или оборудование, которое компания не хотела называть человеком.

— Он сказал, что привёз вкладыш под меня, — произнёс я.

— В реестре его нет.

— Зато есть медицинский носитель.

Я вспомнил, как Лев просил включить камеру, как знал мой вес, как обещал кресло, изготовленное заранее. И второй ключ с моей подписью, применённый на станции до моего прилёта.

Передача шестого пакета закончилась. Нае ушла половина журнала, включая историю Кореня и лицензию Льва. Этого хватало, чтобы начать расследование. Не хватало, чтобы понять, кто и зачем сделал мой второй ключ.

Я сохранил сообщение Кореня в отдельную память и запустил следующий пакет.

— Что будешь делать? — спросила Ная.

— Встречу бывшего напарника.

— Он уже говорил с тобой.

— Нет. Он показывал лицо и прятал груз.

Я проверил запас тяги. Прежнее окно домой закрылось через одиннадцать минут. Если сейчас дать полный разгон, ещё можно было уйти одному. Комната под куполом, рейтинг, запас Тессы — всё оставалось возможным, если поверить обещанию Льва и оставить «Тихую-6» ему.

Я выключил расчёт возвращения.

На его месте открыл схему сближения двух кораблей и поставил условие: корпоративный буксир не подойдёт к станции ближе трёх километров, пока Лев не покажет грузовой отсек и не передаст управление медицинской капсулой Нае.

Потом отправил условия его кораблю.

Ответ пришёл почти сразу.

«МЕСТО ДОМОЙ СОХРАНЯЕТСЯ. НЕ ЗАСТАВЛЯЙ МЕНЯ ВЫБИРАТЬ, КОГО ИЗ ВАС ЗАБРАТЬ».

Из вас.

Я перечитал два последних слова, пока станционный маяк снова не послал три коротких импульса и один длинный.

Лев знал, что на «Тихой-6» нас уже двое.

Глава 5. Следы двух людей

До прибытия Льва оставалось пять часов тридцать шесть минут. До конца передачи журнала — два часа восемь, если «Остов» снова не полезет в канал. До момента, когда мне придётся решить, возвращаться ли на станцию, — нисколько.

Решение уже было принято.

Я развернул буксир боком к «Тихой-6» и открыл наружный шкаф. В нём лежал разведчик — плоская коробка на шести магнитных колёсах, предназначенная для осмотра обшивки. Внутри станции он был почти бесполезен: не умел перелезать через пороги, не открывал двери и видел только на высоте человеческого колена. Зато ему не требовался воздух.

— Ты хочешь отправить тележку через аварийный шлюз?
— спросила Ная.

— Сначала посмотрю, что открыло перепуск.

— Тележка не дотянется. У неё трос сто метров.

— Дам ей катушку связи и отпущу.

— Тогда не вернёшь.

— Она стоит меньше одного часа моего рейтинга.

— Уже не стоит. Ты пропустил окно.

Ная сказала это без упрёка, как сообщают давление в баллоне. Прежний рейс домой действительно перестал суще-

ствовать. Даже если я сейчас сожгу аварийный запас, встречу расчётную точку слишком поздно. Оставалось кресло Льва, новая траектория или станция.

Я закрепил на разведчике катушку, поставил его в наружный шлюз и вытолкнул пружиной. Маленькие двигатели выправили коробку. Она поползла к кольцу, мигая синим огоньком.

Издалека это выглядело нелепо: одинокая табуретка едет спасать человека на мёртвой станции.

Пока разведчик летел, я продолжил разбирать журнал. Шесть вертикальных полос на экране оказались только верхним уровнем. У каждого носителя хранились привязанные расходы: вода, воздух, питание, лекарства, выдача одежды. Не потому, что «Остов» заботился о пробуждённых. Компания хотела знать цену каждой рабочей смены.

Я выгрузил сведения по пятому носителю, Александру Кореню. Третье пробуждение восемь месяцев назад: один дыхательный мешок, один комплект термобелья, четыре пищевых брикета, двести сорок граммов воды. Всё на семь часов.

В списке не хватало обуви.

— Он вышел босиком? — спросила Ная.

— На станции не ходят ногами.

— Не придирайся. Носки ему дали?

— Термобельё цельное. Но рабочие захваты для стоп должны быть отдельной строкой.

Я проверил другие пробуждения. При первом Корень получил штатные магнитные подошвы размера сорок три. Их вернули после гашения. При втором — те же подошвы, возврат подтверждён. В третий раз выдачи не было.

— Значит, здесь уже была его обувь, — сказала Ная.

— Или он не покидал капсулу живым.

— Масса уменьшилась на восемьдесят два килограмма.

— А Корень весил семьдесят девять.

Три килограмма могли приходиться на одежду и дыхательный мешок. Цифры сходились. Но отсутствие подошв означало, что кто-то заранее приготовил ему старую пару или рассчитывал сразу перенести тело в другую капсулу.

Разведчик коснулся обшивки станции. Магниты поймали металл, камера показала крупный план облупленного номера шлюза. Я повёл коробку к раскрытой створке. Внутри висели хлопья инея, выброшенные при разгерметизации. Колёса прилипли к полу и потащили аппарат через проём.

Перепуск находился в трёх метрах за внутренней дверью. Его ручка была отжата и удерживалась куском синего ремня.

— Это не автоматика, — сказала Ная.

— Нет.

Я приблизил изображение. Ремень разрезали неровно, волокна на конце торчали. Такой же синий материал я видел у скрытого отсека: им крепили дыхательные мешки к капсулам.

Кто-то вышел из-за двери после моего ухода, дошёл до

шлюза и открыл перепуск. Или сделал это заранее, натянув ремень через привод. На полу возле ручки виднелась длинная царапина. Не след ботинка — два параллельных зубца.

Магнитная подошва старого образца.

— Сорок третий размер по царапине не определишь, — предупредила Ная.

— Зато модель определяю. Эти захваты сняли с производства девять лет назад.

— Корень пользовался ими до аварии.

— И при первых пробуждениях.

Разведчик проехал дальше и упёрся в порог. Я разогнал колёса, коробка подпрыгнула на два сантиметра, ударилась камерой и перевалилась. Изображение на миг посерело, но вернулось.

— Очень научный метод, — заметила Ная.

— Археология и есть умение правильно уронить дорогой прибор.

До жилого кольца оставалось три двери. Первая была открыта. Вторую разведчик толкнуть не смог. Пришлось повернуть его боком, поднять манипулятор и зацепить аварийную петлю. Мотор перегрелся, зато створка отошла на ладонь. Коробка протиснулась.

Третья дверь стояла раскрытой.

Раньше я её закрывал.

— Запись с твоей камеры? — спросила Ная.

Я поднял старое изображение. Уходя, я действительно

притянул створку и проверил защёлку. Теперь она плавала возле стены. Замок не был сломан.

— Кто-то прошёл после тебя, — сказала Ная.

— И знает ручной привод.

— Корень был техником станции.

Разведчик въехал в жилой блок. Здесь я уже снимал свежий отпечаток перчатки и пропажу дыхательного мешка. Теперь камера находилась ниже, и привычная комната выглядела иначе. Под койками висели сетки, за трубами застряли мелкие вещи, на нижних поручнях лежала пыль, которую человеческая камера сверху почти не видела.

На первом же поручне обнаружили две полосы износа.

Одна шла сверху справа налево: человек хватался правой рукой и тянул себя к двери. Вторая находилась снизу и была направлена в обратную сторону. Так держится левша, который выходит из отсека спиной, не разворачиваясь в тесноте.

Сам по себе поручень ничего не доказывал. За годы здесь жили сотни людей. Я велел разведчику включить боковой свет. Старые царапины потемнели. Две полосы остались светлыми.

— Одинаковая давность, — сказал я.

— Насколько одинаковая?

— После последней уборки. Пыль легла по краям обеих, но не внутрь. Недели или месяцы.

— Корень был правшой?

В медицинском журнале имелась двигательная карта.

Александр Корень писал правой рукой, левая после старого перелома сгибалась хуже. Третья копия должна была проснуться с теми же привычками памяти, но тело выращивали заново. Перелома у неё не было.

Я нашёл параметры пробуждённого: обе руки двигались полностью.

— Он мог начать пользоваться левой, — сказала Ная.

— За семь часов?

— Если хотел отличаться.

Это звучало почти смешно, пока я не вспомнил три слова на подкладке: «Я не сеанс». Человек, которого третий раз называли Александром Коренем, мог нарочно изменить любую привычку, лишь бы оставить после себя не повтор.

Разведчик проехал под столом. К нижней стороне столешницы были приклеены два пакета от рациона. Один вскрыли ровным надрезом. Второй разорвали зубцами упаковки.

Партия и срок хранения совпадали. Оба выдали из одного автомата.

Я снял крупно остатки. Первый пакет содержал рыбный белок с горчичным соусом. Второй — нейтральную кашу.

— У Кореня была аллергия на горчицу, — сказала Ная после проверки медицинской карты.

— Значит, рыбный пакет ел не он.

— Или карта неверна.

— Реакцию записывали трижды. Один раз с отёком.

Я просмотрел выдачу рациона. Во время третьего про-

буждения автомат отпустил четыре нейтральных брикета по ключу Кореня. Рыбный пакет в журнале не значился.

Кто-то принёс его с собой.

Разведчик осветил сетку под соседней койкой. Там лежали ещё три пустые упаковки: две нейтральные, одна рыбная. Все смяли недавно. На рыбной сохранился отпечаток пальца в соусе. На нейтральной — след другого большого пальца, развёрнутый зеркально.

— Два человека, — сказала Ная.

— Две руки.

— Матвей.

— Пока только две руки.

Мне хотелось, чтобы доказательство было прочнее желания его найти. Слишком легко собрать из мусора нужную историю, особенно когда за неё обещают расследование и билет домой.

Я направил разведчика к пищевому автомату. Его экран не работал, зато механический счётчик сохранил число выдач. Перед эвакуацией его обнулили. После — семнадцать порций.

Журнал станции учитывал двенадцать.

Пять незаписанных порций соответствовали пяти рыбным пакетам, которые мы уже нашли или видели в старом осмотре.

— И кто-то жил здесь дольше семи часов, — сказала Ная.

— Минимум двое суток, если не ел всё сразу.

— Воздух подавали семь часов.

— В ремонтный карман. Не сюда.

Я проверил местный баллон под койкой. Манометр стоял на нуле. На вентиле имелись две свежие отметины от ключа. Баллон снимали, наполняли где-то ещё и возвращали. Разведчик не мог прочитать клеймо с обратной стороны, поэтому я заставил его толкнуть баллон. Тот медленно повернулся.

Дата последней проверки — восемь месяцев назад. Под ней карандашом две буквы: «АК».

Рядом другой рукой было приписано: «НЕ Я».

Почерк первой надписи совпадал с подписью Кореня в старых ремонтных листах. Вторая была угловатой, с неприлично прямой буквой «Я».

— Он спорил сам с собой? — спросила Ная.

— Или с человеком, которого называли тем же именем.

Я вернул разведчик к поручню. Две свежие полосы расходились у входа: правша уходил к ремонтному карману, левша — к учебному отсеку, где мы нашли журнал. Если это были два Кореня, они не просто существовали одновременно. Они делили станцию на свои участки.

— В журнале третье пробуждение одно, — сказала Ная.

— Официально.

— Пятая капсула потеряла массу один раз.

— А шестая?

Её история была закрыта вторым ключом. Я видел толь-

ко установку и ожидание. Но отдельный журнал питания мог хранить перепады нагрузки. Я открыл сырые показания батареи, наложил их на время третьего пробуждения и нашёл два провала.

Первый — когда открылась пятая капсула.

Второй — через восемнадцать минут.

Шестая капсула в тот день тоже отдала тепло и отключила внутреннюю систему жизнеобеспечения. На основном экране состояние не изменилось: «ОЖИДАНИЕ». Кто-то обошёл учёт.

— Два пробуждения, — сказала Ная.

— Почти одновременно.

— Один носитель Кореня. Второй неизвестен.

— Если у обоих одна исходная память, второй тоже Корень.

— Или другой человек.

Я посмотрел на медицинские расходы. После первого открытия выдали одежду размера Кореня. После второго выдачи не было. Но в жилом отсеке нашли два типа рациона, а на поручнях — движения двух людей разной привычки.

— Снимок мог быть старше перелома, — сказал я.

— Что?

— Если один Корень записан после перелома, он бережёт левую руку. Если второй снимок сделали раньше, для него левая здорова, но он всё равно помнит себя правой.

— Тогда почему пользуется левой?

— Потому что тело может отличаться. Или потому что решил отличаться сам.

Ная помолчала.

— Ты строишь версию.

— Да.

— Что её разрушит?

Хороший вопрос. Версия, которую нельзя разрушить, годится для веры, но не для комиссии.

— Разный рост, — сказал я. — Следы на поручнях должны быть на одной высоте, если тела выращивали по одному шаблону. Разные анализы крови. Разные сроки упаковок. Свежесть царапин. Любая запись, где один вошёл после ухода другого.

Я велел разведчику развернуть измерительный луч. Верхняя и нижняя полосы на поручне оставили большие пальцы на расстоянии восьмидесяти семи сантиметров от пола. Разница — четыре миллиметра. В пределах ошибки движения.

Дальше по коридору нашлись ещё семь пар следов. Одинаковая высота. Одинаковая ширина ладони. Правша всегда тянулся сверху, левша — снизу. Они двигались одним телом, но по-разному.

В учебном отсеке разведчик снова застрял. Дверь, за которой находились капсулы, оставалась закрытой. Скоба исчезла.

Не лежала на полу, не висела на замке. Её унесли.

— Камеру ближе, — попросила Ная.

На двери появилась свежая тёмная надпись. Кто-то написал пальцем по пыли:

«ОДИН УШЁЛ. ОДИН ОСТАЛСЯ».

Под фразой стояли две одинаковые подписи: «А. Корень». Первая ровная, правая. Вторая угловатая, выведенная левой рукой.

Я почувствовал не страх, а раздражение. Слишком удобно. Следы, упаковки, подписи — всё складывалось в готовый рассказ, будто кто-то специально провёл меня по комнате.

— Он хочет, чтобы мы это нашли, — сказал я.

— Кто из них?

— Тот, кто остался.

— Или Лев.

Разведчик поднял манипулятор к замку. На металле сохранился отпечаток ладони. Я сравнил его с медицинской картой Кореня. Длина пальцев совпала, старый шрам на указательном отсутствовал.

Шрам Корень получил за три года до гибели. Значит, тело вырастили по более раннему образцу или исправили повреждение при печати. Отпечаток доказывал только генетическое сходство.

— Мне нужен образец, — сказал я.

— Тележка не умеет брать кровь.

— На упаковке соус.

Манипулятор разведчика был слишком грубым. Я подвёл коробку под сетку, зацепил край пакета и стал тянуть. Упа-

ковка выскользнула, медленно поплыла по отсеку и прилипла к вентиляционной решётке.

— Поздравляю, — сказала Ная.

— У меня есть ещё одна попытка.

Нейтральный пакет удалось прижать к корпусу разведчика. Я обмотал его тонким тросом манипулятора. Теперь оставалось вернуть коробку. Но по дороге она должна была пройти три двери и открытый аварийный шлюз, а заряда оставалось двадцать два процента.

— Отправь к внешней створке, — сказала Ная. — Подберёшь снаружи.

— Пока она едет, продолжим журнал.

Я отдал команду возвращения. Разведчик развернулся, зацепив колесом плавающую ложку. На ложке были выцарапаны две насечки — справа и слева от ручки. Каждый владелец помечал свою сторону.

Следующий раздел журнала относился к носителю 6-02. Пять пробуждений, пять гашений. Я открыл последнее. Имя: Илья Маров, специалист по связи. Оригинал умер не до пробуждения, а через сорок одну минуту после него.

Система считала последовательность законной, потому что подтверждение смерти внесли задним числом и поставили раньше по часовому поясу другого узла. Простая бухгалтерская уловка: два человека жили одновременно, но в разных строках часы показывали разное.

— Вот оно, — сказала Ная.

Я проверил первичные датчики. Оригинальный Маров находился на спасательном катере возле станции. Его сердце работало. Копия Марова в это время уже открыла глаза в капсуле и отвечала на контрольные вопросы.

Сорок одну минуту оба были живы.

— Бытовые следы Кореня доказывают двоих сейчас, — сказал я. — А это доказывает нарушение закона тогда.

— Передавай первым пакетом.

Я вырезал первичные отметки без сводной таблицы, добавил цифровые подписи двух независимых датчиков и отправил Нае. Теперь у нас было не толкование мусора, а запись одновременной жизни оригинала и копии.

Лев вышел на связь, когда пакет прошёл половину пути.

— Останови передачу раздела 6-02, — сказал он без приветствия.

— Значит, читаешь заголовки.

— Маров не имеет отношения к тому, что происходит сейчас.

— Он был жив, когда вы его пробудили.

— Я тогда не работал на «Остов».

— Но знаешь случай.

— Все в компании знают. Именно после него ввели двойную проверку смерти.

— А гашение копии?

— Маров-копия погиб при ремонте связи.

— В журнале «сеанс завершён».

— Потому что отказало тело.

— Покажи медицинскую запись.

Лев прислал файл. Я не открыл его на основном терминале, а поместил в изолированную память. Внутри был отчёт об остановке сердца через сорок три минуты после пробуждения. Не сорок одну. Две минуты после смерти оригинала.

— Удобно, — сказала Ная.

— Что? — спросил Лев.

Я включил её в общий канал.

— В первичном датчике капсулы копия жила ещё шесть часов, — ответила она. — Ваш медицинский отчёт закрывает её через сорок три минуты.

— Ная, вы не уполномочены читать медицинские данные.

— Зато уполномочена считать воздух. После вашей смерти Маров дышал ещё пять часов семнадцать минут. Кто дышал его нормой?

Лев отключил звук на несколько секунд. Когда вернулся, говорил медленнее.

— Не заходите в жилой блок снова. Человек внутри нестабилен.

— Какой человек? — спросил я.

— Александр Корень.

— Который из них?

Тишина стала ответом.

— Ты знал, что их двое, — продолжил я.

— Было двое.

— Где второй?

— Покинул станцию.

— На чём?

— На моём корабле восемь месяцев назад.

— И где он сейчас?

— Погиб.

— В журнале нет смерти.

— Потому что его не существовало для журнала.

— А для тебя?

Лев не ответил сразу.

— Для меня существовал, — сказал он наконец.

— Тогда назови, как он погиб.

— Не по открытому каналу.

— Ты всё прячешь за каналом.

— Потому что слушает тот, кто остался на станции.

Я посмотрел на тёмное кольцо за стеклом. Разведчик медленно полз к шлюзу. Его камера показывала пустой коридор. Никто не шёл следом.

— Он сам вызвал меня, — сказал я.

— Нет. Он вызвал мою капсулу.

— «Лев привёз не себя».

— Именно.

— Что ты везёшь?

— Тело, которое Корень считает своим.

У меня пересохло во рту. Я сделал глоток из трубки и почувствовал металлический вкус давно не менянного филь-

тра.

— Ты везёшь второго Кореня?

— Его носитель.

— Ты сказал, он погиб.

— Тело погибло. Снимок сохранился.

— И ты собираешься пробудить его снова рядом с первым?

— Я собираюсь вывести первого из отсека без сопротивления. Он доверяет только себе.

— Это не себе.

— Попробуй объяснить ему разницу.

Лев прислал изображение грузового отсека. В креплениях лежала белая транспортная капсула. Сквозь матовое окно ничего не было видно. На борту стоял номер без имени.

— Покажи массу сейчас, — потребовала Ная.

Лев вывел показания: девяносто один килограмм.

— Там тело или только оборудование? — спросил я.

— Тело готово к пробуждению.

— Живое?

— Не в смысле закона.

— В смысле сердца.

— Кровообращение поддерживается. Мозговая деятельность не запущена.

— Значит, живое тело без человека, по-вашему.

— Не начинай спор, пока оно у меня на борту.

— Передай управление капсулой Нае.

— Нет.

— Тогда не подходит.

— Человек на станции перекрыл аварийный перепуск, чтобы запереть тебя в шлюзе. Он нестабилен.

— Он оставил мне доказательства.

— Он оставляет то, что заставит тебя открыть дверь.

— Откуда знаешь?

— Потому что восемь месяцев назад он сделал то же со мной.

Связь дрогнула. В голосе Льва впервые появилась усталость, которой не скрыть задержкой.

— Мы пробудили одного Кореня по пятому носителю, — продолжил он. — Он должен был найти повреждение в архиве. Шестая капсула открылась сама. В ней был более ранний снимок того же человека, созданный владельцами станции до аварии. Два Кореня встретились. Один согласился уйти со мной. Другой заперся здесь.

— Который был оригинальнее?

— Ни один. Оригинал погиб двенадцать лет назад.

— Тогда почему один получил корабль, а второй остался?

— Место было одно.

Эти четыре слова объяснили больше всех его речей.

— Вы выбрали, кого считать человеком, по числу кресел, — сказала Ная.

— Они выбрали сами.

— Как?

— Сыграли в старую игру из своей памяти. Я не видел результата. Один вышел в шлюз, второй закрыл дверь.

— И ты улетел?

— У меня кончалось окно.

Я посмотрел на погасший расчёт своего возвращения.

— Конечно, — сказал я.

— Матвей, я вернулся сейчас именно потому, что тогда ушёл.

— Ты вернулся с пустым телом для повторения игры.

— Я вернулся с человеком, которому оставшийся доверится.

— Ты не знаешь, кем он станет после пробуждения.

— Он будет помнить выбор.

— Но не совершал его.

Лев замолчал.

Я понял, что попал не в Кореня, а в него. Нынешний Лев помнил всё до аварии на «Клёне», но не снимал упор, не спасал меня и не умирал. Компания вручила ему последствия чужого решения и потребовала стать продолжением. Теперь он собирался сделать то же с новым Корнем: загрузить память до выбора и взыскать с него обещание, которого тот не давал.

— Передай капсулу Нае, — повторил я. — И не запускай её.

— Тогда оставшийся не выйдет.

— Найдём другой способ.

— За пять часов?

— У нас пять часов потому, что ты опять привязал жизнь к окну корабля.

Разведчик добрался до внешней створки. Заряда оставалось девять процентов. Я надел шлем, закрепил страховку и вышел на обшивку буксира.

— Что ты делаешь? — спросил Лев.

— Забираю образцы двух людей.

— Не приближайся к шлюзу станции.

— Тележка уже снаружи.

— Матвей, посмотри на её камеру.

Я переключил изображение.

За разведчиком, в глубине аварийного шлюза, стоял человек в старом станционном скафандре. Фонарь на его шлеме не горел. Лицо скрывалось за тёмным стеклом. На обеих ногах были магнитные подошвы старого образца.

Он держал скобу, снятую с двери капсульного отсека.

Человек поднял её над разведчиком и согнул руками. Не резко, не в приступе ярости. Медленно, показывая, что может сделать с тонким корпусом коробки.

Потом положил скобу на пол и подтолкнул разведчик к выходу.

— Он возвращает образец, — сказала Ная.

Лев выругался.

Человек в шлюзе поднял руку. Сначала показал один палец. Потом два. Затем прижал ладонь к груди и указал на

приближающуюся точку корабля Льва.

Один здесь. Второй там.

После этого он закрыл внутреннюю створку.

Я поймал разведчик на конце страховки и подтянул к буксиру. Пакет с остатками нейтрального рациона сохранился. На его краю имелось пятно крови — маленькое, бурое, достаточное для сравнения.

— Не вскрывай у себя, — сказала Ная. — Запечатый целиком.

Я поместил пакет в контейнер для образцов. На корпусе разведчика обнаружилась ещё одна вещь: клочок бумажной ленты, приклеенный к камере.

На нём двумя почерками было написано:

«Мы жили вместе шесть суток».

Ниже правой рукой: «Я ушёл».

Левой: «Я остался».

И третья строка, снова правой рукой:

«Лев обещал вернуться за обоими».

Я показал записку в камеру.

— Это правда? — спросил я.

Лев смотрел на неё долго. За его плечом белая капсула лежала в креплениях и ждала чужой памяти.

— Да, — ответил он.

— Почему вернулся только сейчас?

— Потому что второй умер на третий день пути. А я не мог вернуться с пустым креслом и признать, что оставил жи-

вого человека ради мёртвого.

До его прибытия оставалось четыре часа пятьдесят две минуты.

Я закрепил контейнер, вошёл в буксир и отправил Нае последний кусок журнала Марова. Теперь у нас были первичные датчики сорока одной минуты одновременной жизни оригинала и копии, бытовые следы двух Корней, образец крови и признание Льва.

Лев мог спорить с выводами. «Остов» мог назвать упаковки мусором, подписи подделкой, а запись — разговором под давлением. Но поручни, воздух, еда и два человеческих тела не умели подстраиваться под закон задним числом.

— Я не открою тебе станцию, — сказал я Льву. — И не позволю разбудить ещё одного Коренья как приманку.

— Тогда человек внутри умрёт, когда закончится его баллон.

— Сколько осталось?

— По моему расчёту — пять часов десять минут.

Почти ровно до его прибытия.

— Ты и это рассчитал, — сказал я.

— Нет. Он рассчитал. Корень всегда был лучше меня с воздухом.

Станционный маяк снова подал три коротких импульса и один длинный. На экране появился новый текст:

«ПУСТЬ ЛЕВ ПРИЛЕТИТ. РЕШАТЬ БУДЕМ ВТРОЁМ».

Я не знал, кого Корень считал третьим: меня, человека в белой капсуле или того Александра, который умер по дороге восемь месяцев назад.

Но впервые с начала рейса станция просила не спасения и не ремонта.

Она требовала свидетеля.

Глава 6. Право на продолжение

Корпоративный буксир появился не как корабль, а как новая звезда у края «Тихой-6». Сначала точка стояла неподвижно. Потом разделилась на два огня: белый ходовой и красный тормозной. Лев вошёл в зону станции точно по моей границе и остановился в трёх километрах.

До конца воздуха Корня оставалось, по его расчёту, восемнадцать минут.

Я не верил расчёту.

Человек, проживший на мёртвой станции восемь месяцев, не стал бы ставить жизнь на баллон, который заканчивается одновременно с красивым появлением корабля. Либо у него был запас, либо он хотел заставить нас действовать так, будто запаса нет.

— Двигатели погашены, — сказал Лев. — Открываю грузовую камеру для Наи.

На моём экране появилась белая капсула. Четыре камеры показывали её со всех сторон. Пломбы целы, медицинский блок работал, кровь в подготовленном теле двигалась насосом. На схеме мозга не было активности, которую врачи признавали бодрствованием.

— Управление? — спросила Ная.

— Наблюдение.

— Условие было другим.

— Я не передам запуск через гражданский канал.

— Тогда оставайся там, — сказал я.

Лев включил камеру в кабине. За часы полёта лицо у него осунулось. Под глазами легли тёмные полукружья, на подбородке проступила седая щетина. Он выглядел старше человека, с которого когда-то сняли снимок, и моложе того Льва, чью смерть я помнил.

— У Корня кончается воздух, — сказал он.

— Он сам сообщил время?

— Я знаю его баллоны.

— За восемь месяцев мог собрать запас.

— Мог. Но не собрал.

— Откуда знаешь?

— Потому что тогда ему пришлось бы признать, что собирается жить долго.

Ная вывела на общий экран телеметрию станции. Аварийный маяк молчал последние семь минут. Тепловое пятно ушло от шлюза в глубину кольца. Дыхания с такого расстояния мы не видели.

— Александр, — сказал я в станционный канал. — Лев пришёл. Капсула не запущена. Мы не откроем её без твоего согласия.

Ответа не было.

— Он не согласится говорить со мной, пока не увидит второго, — сказал Лев.

— Второго нет.

— Для него есть.

— Есть тело и снимок человека, который умер восемь месяцев назад.

— Он вспомнит шесть дней на станции, игру у шлюза и решение уйти. Это всё, что нужно.

— Нужно кому?

— Тому, кто остался. Они придумали правило: если ушедший вернётся, оставшийся откроет дверь.

— Ушедший не вернулся.

— Его память вернулась.

— Память не обещала.

Лев отвернулся к навигации. Его корабль держал точку без поправок; автоматика была лучше моей и тратила меньше топлива. На графике сближения белела прямая линия, которую он мог пройти за четыре минуты.

— Я уже вёл этот спор, — сказал он. — Только с другой стороны.

— После «Клёна»?

— В первые сутки после пробуждения.

Ная отключила свои подсказки. Она понимала, что сейчас полезнее молчать.

— Расскажи, — сказал я.

— Ты знаешь.

— Я знаю отчёт. Не тебя.

Лев провёл пальцами по ремню, проверяя замок, хотя тот был закрыт.

— Я открыл глаза и потребовал связь с ремонтным сектором, — начал он. — Помнил, что мы спорили из-за упора. Помнил, как ты называл меня перестраховщиком. Потом неделя исчезла. Врач сказал, что Лев Варн умер, а я — его разрешённое продолжение. Мне показали согласие, подпись, подтверждение смерти. Всё было правильно. Кроме того, что тело лежало в соседней комнате и ещё оставалось тёплым.

— Я не видел его после смерти.

— Мне показали.

— Зачем?

— Чтобы я принял имя.

Он говорил без нажима. Так перечисляют повреждения корпуса: здесь трещина, здесь сорвано крепление, здесь можно пройти дальше.

— Врач спросил, узнаю ли я лицо, — продолжил Лев. — Я узнал. Потом спросил, считаю ли лежащего собой. Я сказал, что нет. Мне ответили: хорошо, значит, перенос принят. Если бы сказал «да», меня признали бы нестабильным и погасили до повторной настройки.

— Погасили?

— Так называлось в инструкции. Тогда я ещё не понимал слово.

Я вспомнил строки Корня: «сеанс завершён». Язык был старше преступления. Сначала человека превращали в действие, потом действие можно было закончить.

— Мне выдали запись последней недели, — сказал Лев.

— Я посмотрел, как другой я снимает упор. Как ферма складывается. Как он вытаскивает тебя и остаётся снаружи, потому что страховка повреждена. Я не помнил ни решения, ни боли. Но все вокруг ждали, что я извинюсь. Ты тоже.

— Я был зол.

— Ты был жив. Имел право.

— А ты?

— Моё право зависело от того, соглашусь ли я быть им.

На станции мигнул маяк. Один короткий импульс. Не вызов, а проверка линии.

— Почему ты защищаешь правило после этого? — спросил я.

— Потому что без подтверждённой смерти меня бы не выпустили из медицинского блока. Пока оригинал считался живым, его воздушная запись была занята. Его счёт, комната, рабочий допуск, даже имя в системе связи принадлежали телу, а не памяти. Я был оборудованием, которое спорит. Только смерть освободила место.

— Значит, порядок плохой.

— Порядок единственный. В Своде нет лишнего воздуха на философию.

— Воздуха хватает на человека, пока его называют человеком.

— Минимум — да. А койка? Лекарства? Доля в семейной группе? Долги? Если нас двое и оба помним, как подписали договор, кто обязан платить? Если оба помним дочь, кто её

отец? Если один совершил преступление после снимка, почему второй должен потерять доступ? Ты говоришь «дайте обоим», будто второй комплект вещей появится из правильного слова.

— А ты говоришь «убейте одного», будто вещи важнее.

— Я говорю: не пробуждайте второго, пока первый жив. Это не убийство, если человека ещё нет.

Белая капсула за его спиной отвечала ровным светом. Сердце в ней сокращалось под током. Кровь несла кислород в мозг, который компания считала пустым до загрузки снимка.

— А тело? — спросил я.

— Биологическая заготовка.

— У неё работает сердце.

— Без личности.

— Если отключить насос, это не смерть?

Лев сжал губы.

— Не уводи разговор.

— Ты сам привёз тело, чтобы поместить в него память умершего и потребовать от живого выполнить обещание. Где именно появляется человек? В момент первой мысли? Первого страха? Когда юрист назначит имя?

— В момент устойчивого пробуждения.

— Удобная граница. До неё можно везти человека грузом, после — выключить как сеанс.

— После нельзя. Закон запрещает.

— Журнал показывает обратное.

— Журнал показывает преступления отдельных людей.

— Система построена так, чтобы называть их служебными операциями.

Станционный канал щёлкнул. Послышалось дыхание — тяжёлое, с хрипом фильтра. Потом мужской голос произнёс:

— Лев врёт не там.

Голос был старше записи Кореня в архиве. Медленнее. Восемь месяцев одиночества не добавили ему лет, но добавили паузы между словами.

— Александр? — спросил я.

— Какой именно?

— Тот, кто сейчас говорит.

— Уже лучше.

Лев подался к экрану.

— Саша, у тебя мало воздуха. Открой внешний шлюз. Я пришлю транспортный мешок.

— Ты обещал вернуться за обоими.

— Вернулся.

— Один из нас у тебя в коробке.

— Там его снимок до отлёта. Он будет помнить решение.

— Нет. Он будет помнить, как мы готовились решать.

Лев закрыл глаза. Значит, это была правда. Снимок сделали до игры, до выбора, возможно, ещё до встречи двух Корней.

— Почему ты написал «Я ушёл» правой рукой? — спро-

сил я.

Корень засмеялся. Смех перешёл в кашель.

— Потому что правша ушёл. Лев решил, что он старше и потому настоящий.

— Я не решал, — возразил Лев. — Вы показали мне результат.

— Ты видел две ладони. Выбрал ту, которая привычнее.

— Вы сами определили победителя.

— Мы определили, кто займёт кресло. Не кто останется человеком.

— Я обещал вернуться.

— Через восемь месяцев.

— Я не мог раньше.

— Мог. Не хотел рассказать, что увёз одного и потерял.

Лев не спорил.

— Что произошло на корабле? — спросил я.

Корень ответил раньше:

— Капсула Льва дала ему воздух на три дня. Потом предложила сон до Свода. Мы знали, что «сон» значит гашение. Правша отказался. Лев связал его и ввёл препарат. Сердце остановилось.

— Это неправда, — сказал Лев.

— Тогда скажи свою.

— Он повредил регулятор и потерял давление. Я пытался вернуть его в капсулу. Он сопротивлялся. Препарат был успокоительным.

— Который остановил сердце.

— Сердце уже отказывало.

— А снимок ты сделал до или после?

Лев посмотрел на белую капсулу.

— До отлёта со станции. С его согласия.

— С нашего согласия, — сказал Корень. — Мы оба думали, что копия станет страховкой для того, кто улетит. Не приманкой для оставшегося.

— Саша, я не собирался пробуждать его без твоего разрешения.

— Поэтому не передаёшь управление Нае?

Лев отстегнул ремни и ушёл из кадра. В грузовой камере рядом с капсулой зажёгся свет. Через минуту он появился там в лёгком костюме, без шлема. В руке держал механический ключ.

— Здесь физический разрыв, — сказал он, показывая узел на боку капсулы. — Пока ключ у меня, запуск невозможен даже удалённо.

Он вынул длинную пластину. Экран капсулы сменил зелёный цвет на серый.

— Передаю ключ Матвею, — продолжил Лев. — В герметичном контейнере. После этого подойду без возможности запустить носитель. Устраивает?

Корень дышал в канале. Я слышал, как фильтр щёлкает при каждом вдохе.

— Пусть выбросит ключ в пространство, — сказал он.

— Тогда тело нельзя будет запустить никогда, — ответил Лев.

— Именно.

— Это не твоё тело.

— А чьё?

— Человека, который может проснуться.

— Ты только что называл его заготовкой.

Лев замер с ключом в руке. Его собственные слова закрыли ему оба выхода. Если тело было только оборудованием, Корень мог требовать его выключить. Если человеком — Лев вёз живого пленника без согласия.

— Я не выброшу ключ, — сказал я. — Приму его и сохраню. Капсулу не запускаем. Лев подходит один в наружном рабочем модуле. Корабль остаётся на трёх километрах под управлением Наи.

— Я не передам корабль, — сказал Лев.

— Тогда Ная получит право заглушить двигатели при сближении.

— У неё нет такого права.

— Есть аварийное, если корабль угрожает станции с человеком внутри.

— Станция списана.

— Человек — нет.

Ная включилась:

— Командир Варн, подтверждаю. Я зарегистрировала Александра Кореня как терпящего бедствие. Ваш корабль

входит в его защитную зону. Передайте мне ограниченное управление тягой или сохраняйте расстояние.

Это была юридическая уловка, но хорошая. Списанный объект не имел зоны безопасности. Живой человек создавал её вокруг себя.

— Если зарегистрируете его, система увидит смерть двенадцать лет назад, — сказал Лев.

— Уже увидела. Создала временный номер.

— Какой?

— Не Александр Корень. «Неопознанный взрослый, станция Тихая-6».

В канале раздался тихий смех Корня.

— Лучшее имя за восемь месяцев.

На моём экране появилась новая строка в спасательном реестре. Человек существовал без имени, имущества и прошлого, но город впервые выделил ему минимальную норму воздуха. На ближайшем корабле такую норму обязан был предоставить Лев.

— Теперь у тебя есть воздух для него, — сказал я.

— Воздух был и раньше.

— Раньше ты давал его по своему решению. Теперь обязан.

Лев вернулся в кабину. Через минуту Ная получила ограниченное управление: только запрет основной тяги и контроль курса. Запуск капсулы оставался физически невозможен.

Контейнер с ключом вылетел из его грузового шлюза на крошечном двигателе. Я поймал его манипулятором буксира и втянул внутрь. Пластина была настоящей. На ней имелись два контакта и насечки, оставленные ногтем.

— Получил, — сказал я.

— Теперь разреши подход, — потребовал Лев.

— Александр?

— Пусть идёт, — ответил Корень. — Но сначала пусть скажет, кто он.

— Ты знаешь, кто я.

— Скажи.

Лев долго молчал. Красный огонь его корабля отражался в белой капсуле.

— Я Лев Варн.

— Который?

— Единственный живой.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Был.

— Был человек, чью память я продолжаю.

— А имя?

— Его имя стало моим по закону.

— Почему?

— Потому что он умер до моего пробуждения.

— Если бы не умер?

Лев посмотрел на меня, будто ответ находился на моём

лице.

— Меня бы не пробудили.

— А если бы пробудили по ошибке?

— Одного из нас пришлось бы признать.

— Кого?

— Оригинала.

— А тебя?

— Погасили бы.

Слово прозвучало почти спокойно.

— И ты считаешь это правильным? — спросил Корень.

— Я считаю правильным не создавать такую ситуацию.

— Но когда создали?

Лев не отвечал.

— Вот зачем вам смерть до пробуждения, — сказал Корень. — Не ради порядка вещей. Чтобы новый человек никогда не встретил старого и не спросил, почему один имеет право выключить другого.

— Ради того, чтобы новый человек вообще получил право жить, — возразил Лев.

— Право, купленное трупом.

— Согласованное заранее.

— Мой оригинал соглашался на восстановление после смерти. Он не соглашался, что нас можно делать много раз и выключать после смены.

— Это было нарушением.

— Ты восемь месяцев прятал нарушение.

— Я возвращаюсь исправить.

— Ты возвращаешься повторить человека, который уже умер у тебя в руках.

Лев наклонился к экрану.

— Потому что ты не веришь никому другому.

— Я верю Матвею.

Это прозвучало неожиданно. Я знал Корня меньше часа и видел его только через камеру разведчика.

— Почему? — спросил я.

— Ты не открыл шестую капсулу.

— Мало для доверия.

— Для меня достаточно. Лев открыл.

Вот что он скрывал. Восемь месяцев назад шестая капсула не открылась сама. Лев запустил её, создав второго Корня рядом с первым.

— Ты сказал, она открылась сама, — напомнил я.

— Автоматика дала сигнал готовности, — ответил Лев.

— Я подтвердил.

— Без согласия первого Корня?

— Мы не знали, кто внутри.

— И всё равно подтвердил.

— На станции был повреждён архив. Мне нужен был специалист.

— Один уже стоял рядом.

— Он отказался работать.

Корень снова засмеялся и закашлялся.

— Я сказал ему, что сначала хочу имя, воздух и дорогу домой. Тогда он открыл следующую коробку.

Лев не отрицал.

На экране аварийной нормы у Корня оставалось десять минут. Я уже понимал, что счётчик ложный, но его кашель был настоящим.

— Передай ему баллон, — сказал я.

— Для этого нужно подойти, — ответил Лев.

— Отправь тем же двигателем, что ключ.

— Баллон тяжелее. Он долетит, но Корню придётся выйти наружу.

— Я выйду, — сказал Корень.

— Нет, — одновременно произнесли мы с Львом.

Корень хмыкнул.

— Теперь вас уже двое.

Я предложил другой путь. Лев отправляет баллон к моему буксиру. Я проверяю пломбу, затем доставляю к станции. Ная держит его корабль на месте. Корень не открывает внутренний шлюз, пока не увидит меня.

— Ты потратишь сорок минут, — сказал Лев.

— У него есть запас.

В канале стало тихо.

— Сколько? — спросил Лев.

— Достаточно, — ответил Корень.

— Ты заставил нас торопиться.

— Я заставил тебя привезти воздух.

Лев ударил кулаком по подлокотнику. Не сильно, но камера дрогнула.

— Ты мог вызвать помощь восемь месяцев назад!

— Кого? «Остов»? Они прислали бы тебя. Свод? Для Свода я умер двенадцать лет назад. Я ждал свидетеля, который умеет читать следы и не открывает закрытые капсулы.

— Ты вызвал Матвея поддельным ключом, — сказал я.

— Ключ сделал не я. Он был в журнале. Я только включил запись.

— Кто сделал?

— Лев.

Я посмотрел на бывшего напарника.

— Для допуска к шестой капсуле требовалась подпись независимого специалиста, — сказал он. — Система выбрала ближайший действующий контракт. Твой медицинский снимок уже был в подготовке рейса. Я создал служебный ключ, чтобы открыть капсулу при тебе, когда ты прибудешь.

— Ты запланировал мой рейс сюда восемь месяцев назад?

— Я добился, чтобы «Тихую-6» включили в программу разбора. Думал вернуться раньше тебя. Не получилось.

— А голосовая запись?

— Не моя, — сказал Лев.

— Моя, — сказал Корень. — Я использовал твой голосовой образец из допуска. Хотел, чтобы ты не прошёл мимо.

— Ты сказал «Для Матвея» моим голосом.

— Своим ты бы не поверил.

Это было манипуляцией, но не тайной после разоблачения. Корень не извинялся. Он нуждался в свидетеле и изготовил его из моего любопытства.

Баллон Льва пришёл к буксиру. Я втянул его, проверил давление и состав. Кислородная смесь была чистой, пломба настоящей. Внутри хватало на двенадцать часов.

— Доставлю, — сказал я.

— Возьми второй, — предложил Лев.

— Зачем?

— Для себя. На станции может не быть обратного пути к твоему шлюзу.

Я принял второй баллон. Это была разумная страховка, а значит — самая опасная разновидность предложения Льва. Она создавала долг прежде, чем я успевал отказаться.

— Воздух не покупает решение, — сказал я.

— Я знаю.

— Тогда почему всё время предлагаешь его как плату?

— Потому что без него решения не будет.

В этом он был прав. Пустой баллон прекращает любой спор быстрее закона.

Я надел скафандр и перенёс оба цилиндра в шлюз. Перед выходом прикрепил к груди контейнер с физическим ключом белой капсулы. Пока он у меня, Лев не мог пробудить нового Кореня.

— Матвей, — позвала Ная по личному каналу. — Если войдёшь, Лев останется снаружи. Я удержу его корабль, но

рабочий модуль он может запустить отдельно.

— Следи за теплом.

— И ещё. Временная воздушная запись Корня уже ушла в Свод. Её нельзя убрать без отметки.

— Хорошо.

— Это не спасение. Только номер.

— Иногда номер мешает человеку исчезнуть.

Я вышел наружу. «Тихая-6» закрывала половину неба. За ней светился корабль Льва, остановленный чужим запретом. Мой буксир висел между ними — слишком маленький для суда и достаточно большой, чтобы перевозить доказательства.

Я толкнул перед собой баллоны и направился к аварийному шлюзу.

Корень открыл наружную створку, когда я был в десяти метрах. Внутри стоял тот же человек в старом скафандре. Теперь фонарь горел. За стеклом я увидел худое лицо с седой щетиной и тёмными кругами под глазами. Оно совпало с фотографией Александра Коренья, погибшего двенадцать лет назад, но не с его выражением на снимке. Этот человек слишком долго смотрел только на собственные отражения.

Он принял баллон, проверил пломбу и подключил к костюму.

— Второй зачем? — спросил он.

— Мой.

— Значит, Лев всё ещё умеет заставить людей взять лишнее.

— Я умею возвращать.

Корень отошёл от двери.

— Входи, свидетель.

— Сначала условие. Никаких ловушек в шлюзе. Не закрываешь перепуск. Не трогаешь ключ у меня на груди.

— А ты не открываешь шестую.

— Она пустая?

— Теперь да.

— Что было внутри?

— Я.

Внутренняя створка открылась. Корень снял шлем. Я остался в своём.

— Право на продолжение — любимая ложь Льва, — сказал он. — Продолжают работу, договор, имя. Человек каждый раз начинается заново. Если хочешь доказательство, я покажу, где мы шесть дней учились быть разными.

За моей спиной наружная дверь закрылась. Давление стало расти.

На личном канале Лев произнёс:

— Матвей, не снимай шлем. Корень убил второго до отлёта. Я увёз уже умирающего.

Корень не мог слышать личный канал, но посмотрел прямо на меня.

— Сейчас Лев скажет, что я убийца, — произнёс он. —

И формально будет прав.

Шлюз наполнился воздухом.

Глава 7. Город под куполом

Шлюз сообщил, что воздух пригоден для дыхания, но я не снял шлем.

Корень увидел зелёный знак над дверью и усмехнулся.

— Лев умеет быть убедительным даже на расстоянии.

— Он сказал, что ты убил второго.

— Я предупредил.

— Предупреждение не ответ.

— А шлем не защита. Если бы я хотел тебя отравить, ты уже принёс яд с собой на подошвах.

Я включил забор внешней пробы. Скафандр показал обычную станционную смесь: кислорода чуть меньше сводской нормы, углекислоты больше, следы старой изоляции и человеческого жилья. Не яд. Просто воздух, который слишком долго гоняли по одним фильтрам.

Корень ждал у внутренней двери, не пытаясь приблизиться. Новый баллон висел у него за спиной. Старый он поставил на пол и пометил мелом: дата, остаточное давление, три короткие черты. Привычка человека, который рассчитывает каждый вдох и не доверяет экрану.

— Где второй умер? — спросил я.

— Не здесь.

— Лев утверждает обратное.

— Лев утверждает, что увёз умирающего. Это правда. Но

умер тот на корабле.

— Тогда что сделал ты?

— Повредил ему регулятор.

Я оставил шлем закрытым.

Корень развернулся и пошёл по коридору. Магнитные подошвы стучали медленно и ровно. Мне пришлось выбирать: остаться в шлюзе с признанием или следовать за человеком, который пока не объяснил, почему пробил чужой запас воздуха.

Я пошёл.

Жилой сектор начинался за двумя переборками. В первый проход я видел его только через разведчика: две койки, два набора посуды, разная высота поручней. Теперь следы обрели размер. На стене у нижней койки тянулись карандашные отметки давления. Возле верхней висел ремешок для запястья, завязанный правой рукой. На столе стояли две кружки. У одной ручку обмотали синей лентой, у другой — серой.

— Синяя чья? — спросил я.

— Моя.

— По какому признаку?

— Я выбрал первым.

— Значит, ты старший?

— На одиннадцать минут. Это было важно первые два часа.

Он открыл ящик под столом и вынул прозрачный пакет. Внутри лежал аварийный регулятор с рваной прорезью на

мягкой трубке. Не прокол иглой и не усталостная трещина. Трубку рассекли ножом, потом пытались стянуть проволокой.

— Это его? — спросил я.

— Да.

— Твой нож?

— Да.

— Зачем?

Корень сел возле стола. Я остался стоять. Между нами было два шага и двенадцать лет официальной смерти.

— Лев дал нам одно кресло, — сказал Корень. — Не одно место на корабле. Места хватало. Одно кресло с подачей воздуха и защитой при разгоне. Второго он предлагал уложить в чёрную капсулу.

— Погасить.

— Он говорил «усыпить до Свода». Мы уже знали, что значит его сон. Перед отлётом решили бросить жребий. Правша выиграл кресло. Я должен был остаться.

— И повредил его регулятор после проигрыша.

— До.

Я посмотрел на разрез. Проволока была затянута аккуратно. Так чинят вещь, которую хотят вернуть в работу, а не уничтожить.

— Объясни.

— Мы собирались обмануть Льва. Правша должен был занять кресло, я — спрятаться в грузовом коробе с отдель-

ным баллоном. Во время проверки Лев обязательно посмотрел бы остаток воздуха. Мы хотели, чтобы регулятор показывал утечку и он принёс запасной блок со своего корабля. Я надрезал трубку, правша стянул её проволокой. Маленькая утечка, не опасная. Мы проверили дважды.

— Почему не заменили регулятор здесь?

— Потому что тогда Лев увидел бы исправный комплект и не дал второй баллон. На станции оставались только старые, без посадочного кольца для его корабля.

— Где запись проверки?

Корень указал на потолок.

— В шестой капсуле хранился местный журнал. После моего пробуждения она отдала память в архив. Лев вынул блок перед стартом.

— Удобно.

— Для него — да.

— Ты мог рассказать раньше.

— Кому? Единственному человеку, который привёз нас сюда и открыл меня вместо того, чтобы дать первому имя?

— Первому Корню.

— Мы оба были первыми в своих предложениях.

Он сказал это без раздражения, будто поправил единицу измерения. Я присел напротив и закрепил страховочный трос за ножкой стола. Станция едва вращалась, но в старом кольце пол мог в любую минуту стать стеной.

— Что произошло на корабле?

— Правша сел в кресло. Лев проверил регулятор и принёс свой запасной. Потом нашёл меня в коробе до расстыковки.

— Как?

— Масса не сошлась. Я весил меньше груза по ведомости, но дышал. Тепло увидел датчик.

— Лев вернул тебя на станцию?

— Сначала предложил поменяться. Сказал, что кресло принадлежит не победителю, а тому, кто полезнее в Своде. Я лучше знал архив, правша — ремонт. Для суда нужен был я. Для обратного разгона — он. Лев решил, что в Своде важнее свидетель, и велел мне сесть.

— Ты отказался.

— Мы отказались. Тогда Лев достал препарат.

Корень провёл пальцем по синей ленте на кружке.

— Правша ударил его. Не сильно. В невесомости сильный удар чаще отправляет обоих в стену. Лев схватил иньектор, я держал его руку. Правша полез между нами. Игла вошла ему под ключицу. Он дёрнулся и сорвал проволоку с трубки. Регулятор раскрылся по моему разрезу.

— Давление стало падать.

— Медленно. Запаса хватило бы на час. Но препарат сбил дыхание, сердце пошло неровно. Мы могли вернуть его сюда, в медицинскую капсулу. Лев сказал, что на корабле быстрее. Я поверил.

— И остался.

— Кто-то должен был открыть внутренний шлюз. Корабль

пристыковался только носом, автоматика станции не отвечала. Я вручную держал замок, пока они отходили. Потом Лев не вернулся.

— Почему он говорит, что ты убил второго?

— Потому что разрез сделал я. Потому что признание в драке уничтожило бы его допуск. Потому что мёртвому проще назначить виновного, если второй виновный уже числится мёртвым.

Это было связно. Слишком связно для доказательства и достаточно связно, чтобы не отвергать. Я вынул ручной считыватель и осмотрел регулятор. На металлическом кольце сохранилась тёмная полоса, похожая на засохшую кровь. Лаборатория могла определить, чья она, если образец не разрушило время. Проволока несла отпечатки, но оба Корня имели одинаковый рисунок пальцев на момент снимка. За шесть дней шрамы не успели бы изменить его.

— Заберу регулятор.

— Для этого и сохранил.

— Не только для этого. Ты восемь месяцев смотрел на вещь, которой причинил вред.

Корень поднял глаза.

— Я хотел помнить, что хорошие замыслы тоже режут трубы.

Мой личный канал мигнул. Ная вызывала с высшим приоритетом, но не аварийным.

— Мне нужно ответить.

— Отвечай здесь. Я всё равно слышу только тебя.

Я не стал уходить. Открыл личную связь, оставив запись в скафандре.

Вместо Наи появилась Тесса.

Камера показывала её снизу, с рабочего браслета. Над головой тянулись трубы воздушной магистрали, окрашенные в белый и жёлтый. На лбу у неё блестел пот. За спиной двое мастеров тянули съёмный фильтр из гнезда. Значит, она говорила во время смены, хотя всегда ругала меня за разговоры возле открытых линий.

— Живой? — спросила она.

— Пока да.

— Шлем зачем не снял?

Я посмотрел на зелёный знак состава воздуха. Тесса заметила движение глаз.

— Боишься того человека?

— Проверяю его показания.

— Я спросила про шлем.

— Лев предупредил о риске.

— Значит, боишься Льва чуть больше.

Она жестом остановила мастера, который собирался закрыть решётку, сунула руку внутрь и вытащила полоску серого уплотнителя. На полоске была трещина.

— Видишь? — спросила она.

— Вижу.

— Глазами работают до того, как верят экрану. Состав

нормальный?

— Нормальный.

— Тогда не трать свой баллон из гордости. Он понадобится на обратный путь.

Я открыл забрало. Воздух станции пах горячей пылью, пластиком и старым человеческим жильём. Корень не улыбнулся. Только отодвинул свою кружку, освобождая мне место.

— Ная сказала, у тебя неприятности с нормой, — произнёс я.

— У меня неприятности с начальником участка. Это не одно и то же.

— Из-за задержки рейса сняли семейный запас.

— Не сняли. Пересчитали.

Тесса ненавидела, когда чужая неточность делала её слабее. Я подождал.

— Твой контракт давал нашей жилой группе восемнадцать часов восстановительного воздуха в месяц, — сказала она. — За дальний риск. Рейс вышел за срок, контракт перешёл в спорный. Восемнадцать часов пока заморозили.

Восстановительным называли воздух в комнатах отдыха: прохладнее, чище, чуть богаче кислородом, чем в жилых секторах. Он не был нужен, чтобы не задохнуться. Он был нужен, чтобы после двенадцати часов у фильтров голова перестала гудеть и руки не дрожали. Тесса пользовалась им после тяжёлых смен и делила остаток с соседкой, которой не

хватало лёгкого после старой аварии.

— Когда вернут?

— Когда комиссия признает задержку рабочей.

— А до этого?

— Буду отдыхать дома.

За её спиной мастер выронил ключ. Металл ударил по настилу. Тесса дёрнулась всем плечом, хотя звук был не громче обычного. Потом сжала пальцы, пряча дрожь.

— Ты сегодня уже отработала норму, — сказал я.

— Ты сегодня уже покинул свой корабль. Не будем учить друг друга технике безопасности.

— Лев предложил восстановить запас. И место домой.

Она замерла. Мастера за её спиной продолжали ставить фильтр, не слыша разговора в наушнике.

— За что? — спросила Тесса.

— Я закрываю находку. Подтверждаю, что на станции нет живого человека и незаконных пробуждений.

Корень смотрел на меня. Для него разговор был беззвучным, но смысл он понял по лицу.

— Сколько воздуха? — спросила Тесса.

— Наши восемнадцать часов плюс запас на квартал.

— Значит, дёшево оценил.

— Я не согласился.

— Тогда зачем рассказываешь?

Я хотел сказать: чтобы ты знала цену. Но это означало бы, что цену всё-таки назначил Лев, а я лишь отверг покупателя.

— Потому что задержка моя, — ответил я.

— Задержка станции. Решение твоё. Мои лёгкие — мои.

— Контракт общий.

— Воздух общий. Молчание нет.

Тесса вынула браслет из крепления и повернула камеру.

Я увидел город под куполом.

Она стояла на верхней площадке западной башни. Под ней спускались жилые ярусы: тесные серые соты у основания, мастерские выше, сады в тёплом поясе света. В центре купола висело искусственное утро, белое и ровное. За прозрачными секциями начиналась чёрная равнина. По внешней стороне ползли ремонтные машины, маленькие, как насекомые на стекле.

На обзорной схеме кварталы были окрашены по расходу. Зелёные сектора держали норму. Жёлтые просили перераспределение. Один красный прямоугольник возле старого транспортного шлюза мигал: там меняли магистраль после утечки.

— Видишь Свод? — спросила Тесса.

— Вижу.

— Здесь никто не получает воздух за честность. И никто не должен терять его за чужую. Минимум идёт всем. Всё остальное город превратил в награду, потому что так проще посылать людей на опасные смены. Я согласилась с этим, когда вошла в семейную группу. Не ты за меня.

— Восстановительный запас тебе нужен.

— Да. Поэтому я подала спор.

— Его будут рассматривать шесть дней.

— Значит, шесть дней буду заканчивать смену раньше.

— Начальник не разрешит.

— Уже разрешил. Потому что иначе я закрою участок как небезопасный. Я мастер воздуха, Матвей. Не твоя больная тётка у окна.

Она сказала жёстко, но не сердито. Сердиться она начала бы, если бы я продолжил.

— Лев попытается связаться с тобой, — предупредил я.

— Уже пытался.

— Когда?

— Семнадцать минут назад. Предложил личный запас и перевод в верхний жилой ярус.

— Что ты ответила?

— Попросила прислать предложение письменно.

Я резко поднял голову.

— Зачем?

— Чтобы оно осталось в реестре.

Тесса улыбнулась краем рта.

— Не только ты умеешь хранить найденное.

На мой экран пришёл файл. Лев Варн, подрядчик «Остова», предлагал Тессе Мин восстановительную норму из корпоративного фонда «в связи с урегулированием задержки археологического рейса». В условии стояло: после подтверждения Матвеем Радом штатного завершения работ на «Ти-

хой-6».

Прямой платы за молчание не было. Была помощь родственнице после нужной подписи. В суде Лев назвал бы это заботой о сотруднике. В городе любой мастер назвал бы это обратным клапаном: поток идёт только в одну сторону, пока не приложишь нужное давление.

— Перешли Нае, — сказал я.

— Уже.

— И в комиссию по контракту.

— Уже.

— Тесса...

— Что?

— Спасибо.

Она поморщилась.

— Лучше найди там правду, раз уж из-за неё пропускаешь рейс. Только не делай красивую ошибку. Воздух не становится грязным от того, кто его дал. Если понадобится аварийный баллон Льва — бери. Если за него потребуют человека — отдай баллон пустым.

Связь дрогнула. Над городом прошла тень внешнего грузовика. На мгновение искусственное утро стало серым.

— Мне пора, — сказала Тесса. — Красный сектор не починит себя.

— Закончи раньше.

— А ты сними с себя роль старшего в семье.

Она отключилась.

Я ещё несколько секунд видел застывший кадр Свода: купол, башню и красный прямоугольник утечки. Город был далеко, но каждый наш поступок уже двигал там клапаны.

— Она не взяла? — спросил Корень.

— Нет.

— Я бы взял.

— Даже за молчание?

— Воздух — да. Потом всё равно рассказал бы.

— Это называется обман.

— Меня восемь месяцев кормили честными словами без воздуха. Я изменил порядок ценностей.

Он налил из мягкого пакета воду в синюю кружку и протянул мне серую. Я отказался. Не из недоверия — пить в старой станции из чужой кружки было глупо даже при чистом воздухе.

— Тесса сказала не делать красивую ошибку, — произнёс я. — Значит, я не могу решить, что ты невиновен только потому, что Лев покупает свидетелей.

— Я и не невиновен.

— Ты надрезал трубку.

— Да.

— Спрятался на корабле.

— Да.

— Участвовал в драке.

— Держал руку Льва.

— И позволил кораблю уйти с раненым человеком.

Корень долго молчал.

— Да.

Это последнее признание стоило ему больше остальных.

— Почему?

— Потому что боялся: если войду, Лев уложит в капсулу меня. Потому что поверил его медицинскому допуску. Потому что правша крикнул закрывать шлюз. Выбирай любую причину. Все настоящие и ни одна не делает решение правильным.

— Он был в сознании?

— Когда корабль отошёл — да. Он показал мне большой палец. Мы так договорились: один жест — всё под контролем, два — возвращайтесь. Он показал один.

— Запись внешней камеры?

— Лев забрал блок.

— Опять Лев.

— Он был единственным человеком с кораблём. Поэтому в каждой части этой истории есть Лев.

Я упаковал регулятор в свой контейнер для образцов и поставил пломбу. Корень наблюдал, не вмешиваясь.

— Остались следы препарата? — спросил я.

— В медицинском отсеке. Я собрал каплю с переборки.

— Почему не сказал сразу?

— Хотел понять, ты расследуешь или выбираешь удобного виновного.

— И как?

— Пока расследуешь.

Он повёл меня дальше по кольцу. В коридоре за жилым отсеком висели шесть фотографий, напечатанных на служебных этикетках. На каждой были два одинаковых мужчины. Они пытались стоять по-разному: один складывал руки, второй держал их вдоль тела; один улыбался, второй хмурился. На последнем снимке оба смеялись и различие исчезало.

Под фотографиями шли подписи.

«День первый. Не брать имена по рукам».

«День второй. Синяя кружка не документ».

«День третий. Если память общая, обещание после пробуждения всё равно надо говорить вслух».

«День четвёртый. Лев обещал одно кресло. Это его ограничение, не наше определение».

«День пятый. Правша умеет чинить регулятор лучше».

«День шестой. Вернутся оба или свидетель».

— Свидетелем должен был стать тот, кто останется? — спросил я.

— Да.

— Тогда вы заранее допускали, что один не вернётся.

— Мы знали устройство корабля.

— Но пытались спрятаться вдвоём.

— Надежда и расчёт могут жить в одной комнате. Мы тому пример.

В медицинском отсеке Корень достал из холодильного ящика стеклянную трубку. В ней темнела засохшая капля.

Маркировка была сделана его рукой, дата совпадала с отлётом. Рядом лежала салфетка с номером партии инъектора.

Я сверил номер с файлом, который Лев передал в первом отчёте. Там значилось обычное успокоительное короткого действия. На салфетке — препарат для подавления судорог при пробуждении, опасный при разгерметизации и нехватке кислорода. Лев мог ошибиться в драке. Мог схватить ближайший инъектор. Но после он заменил название в отчёте.

— Это ещё не доказывает, что препарат был в крови второго, — сказал я.

— Знаю.

— И что разрез не стал причиной смерти.

— Знаю.

— И что ты не планировал занять кресло.

— Я остался здесь. Плохой способ занять кресло.

— После драки планы могли измениться.

Корень кивнул.

Он не просил верить. Именно это делало его опаснее убедительного Льва и надёжнее испуганного свидетеля. Он показывал вещи, которые вредили ему самому, и оставлял мне неприятную работу связывать их.

Ная вызвала снова.

— Матвей, у нас изменение курса.

— Лев двигается?

— Его корабль на месте. Из Свода вышел служебный запрет на продолжение твоего рейса. «Остов» объявил стан-

цию биологически опасной после обнаружения незарегистрированного взрослого.

— Удобно.

— Они требуют карантинного закрытия и передачи человека корпоративной медицинской группе.

Корень понял по моему лицу раньше, чем я пересказал.

— Сколько до группы? — спросил он.

Ная услышала его через мой внешний микрофон.

— Девять часов, если стартуют сейчас. Но есть хуже. Диспетчер снял с расчёта твой обратный резерв, Матвей. Пока ты внутри карантинной зоны, кресло считается занятым неопознанным риском. Твоё место домой отдано следующему рейсу.

На экране скафандра исчезла зелёная строка возврата. Я ожидал этого с минуты, когда вошёл в шлюз. Всё равно исчезновение оказалось похоже на открывшуюся под ногами дверь.

— Можно оспорить? — спросил я.

— Можно. Срок — десять суток.

— Запас буксира?

— На двадцать шесть часов безопасной работы. Потом придётся стыковаться с кораблём Льва или станцией.

— Значит, остаётся.

Ная выдохнула.

— Я знала, что ты скажешь. Хотела услышать.

— Ты можешь отвести буксир.

— Могу. Тогда Лев получит единственный корабль с действующим медицинским допуском и заберёт Корня. Я остаюсь на дистанции.

— Это ударит по твоему рейтингу.

— Уже ударило.

Она отключилась раньше, чем я успел извиниться. Видимо, в городе под куполом сегодня все решили запретить мне платить за них виной.

Корень смотрел на фотографии.

— Ты потерял рейс, — сказал он.

— Пока место в расчёте.

— Лев вернёт его за подпись.

— Вероятно.

— И воздух Тессе.

— Она отказалась.

— Люди меняют решение, когда устают.

— Поэтому надо закончить раньше, чем она устанет.

Я снял со стены последнюю фотографию, перевернул и увидел на обороте цепочку цифр. Не дата и не служебный номер. Координаты сектора архива, затем номер ячейки.

— Что там? — спросил я.

Корень не ответил.

— Ты хотел, чтобы я нашёл сам?

— Мы хотели. Оба.

— Что в ячейке?

— Наши дневники. Не рабочие журналы. По очереди за-

писывали всё, что собирались сделать после возвращения.

— Планы не доказывают, что вы люди.

— Нет. Они доказывают, что мы не считали себя временной работой.

Я вернул фотографию на место.

— Сначала опечатаем медицинский отсек. Потом ты покажешь ячейку. После этого я поговорю со Львом о препарате и его отчёте.

— А если он предложит корабль?

— Возьму корабль, если смогу взять без человека в оплату.

— Твоя тётя умнее тебя.

— Она говорит это тридцать лет.

Мы закрыли образец в переносном сейфе. Я передал Нае номера пломб и заставил станцию повторить их в открытом канале. Теперь Лев знал, что вещество найдено. Если попробует войти, сам создаст запись о вмешательстве.

На стене мигнул старый светильник. Воздух прошёл через решётку, зашелестел фотографиями и вернулся в трубу. В Своде в эту минуту Тесса меняла треснувшее уплотнение, чтобы красный квартал снова стал зелёным. Здесь один человек восемь месяцев чинил фильтры города, который считал его мёртвым.

Я думал, что расследую незаконное копирование. Теперь передо мной лежали разрезанная трубка, подменённый препарат и обещание двух людей, из которых один погиб, а вто-

рой не имел права называться живым. История не делилась на виновного и жертву по линии снимка.

— Веди к дневникам, — сказал я.

Корень открыл следующую переборку.

За ней начинался жилой блок, которого не было на схеме станции.

Глава 8. Археология живых

Переборка открылась не в коридор, а в чужую квартиру.

Когда-то здесь был склад мягких грузов. Корень снял стеллажи, провёл две воздушные трубы и собрал стены из упаковочных панелей. Получились три комнаты без дверей: мастерская, спальня и узкая кухня. На полу лежал коврик, вырезанный из теплоизоляции. Над столом горела лампа с жёлтым фильтром. После белого служебного света она казалась почти солнечной.

— Этого нет на схеме, — сказал я.

— На схеме нет половины человеческой жизни станции.

— Кто построил?

— До нас. Мы только нашли.

Я не вошёл сразу. Археолог мёртвых станций учится останавливаться у порога. В заброшенном жилье расположение вещей говорит раньше журнала: что брали в последний день, чего боялись, кого ждали. Здесь порядок был нарушен недавней жизнью. На крючке сохла ткань. У плиты стояла открытая банка пищевой смеси. На спинке стула висела куртка Корня.

Это не было захоронением. Я впервые исследовал место, пока его хозяин смотрел мне через плечо.

— Ничего не трогай без разрешения, — сказал он.

— Мне нужны дневники.

— Я покажу. Остальное не относится к делу.

— Если здесь жили двое людей, относится весь быт.

— Для суда или для твоего любопытства?

— Пока для проверки твоих слов.

Корень задумался, потом снял с запястья тонкий шнур и натянул поперёк прохода.

— За линией смотри, но спрашивай перед каждым предметом.

Я переступил шнур.

На кухне было четыре тарелки, хотя Корней жили двое. Две пластиковые, одинаковые по ведомости станции, и две самодельные из крышек приборных коробов. На одной крышке процарапано «гостю», на другой — «если гостей двое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.